

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ПРАВДА, МЫ
БУДЕМ ВСЕГДА?

Сергей Григорьевич Козлов

Правда, мы будем всегда?

Серия «Ежик в тумане», книга 2

Содержание

* * *

	5
ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ	7
ДОБРЫЙ СЛОН	7
ЛЕСНАЯ ОТТЕПЕЛЬ	10
ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ	13
ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА	16
КАК ЕЖИК ХОДИЛ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ	18
В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ	20
ЗАЯЦ И МЕДВЕЖОНОК	20
ДРУЖБА	22
У РУЧЬЯ	24
ТАКОЕ ДЕРЕВО	26
В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ	29
ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА	31
КАК ЕЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ	31
ПРОТИРАЛИ ЗВЕЗДЫ	
ЗАЯЦ, ОСЛИК, МЕДВЕЖЕНОК И	33
ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА	
УДИВИТЕЛЬНАЯ БОЧКА	36
В САМОЕ ЖАРКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ,	39
КОТОРОЕ БЫЛО В ЛЕСУ	
КАК СЛОН ХОДИЛ В ГОСТИ К ЕЖИКУ	42
ЕЖИК И МОРЕ	46
ЕЖИК И МОРЕ	46

ЕЖИКИНА СКРИПКА	49
ЕЖИК В ТУМАНЕ	52
ОДНАЖДЫ В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ	55
ОСЕННИЕ СКАЗКИ	58
КАК ПОЙМАТЬ ОБЛАКО	58
ОСЕННЯЯ СКАЗКА	62
КАК ОСЛИКУ ПРИСНИЛСЯ СТРАШНЫЙ СОН	65
ДОВЕРЧИВЫЙ ЕЖИК	69
ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ	73
СНЕЖНЫЙ ЦВЕТOK	73
ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ	77
ДОЛГИМ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ	80
КАК ОСЛИК, ЕЖИК И МЕДВЕЖОНОК ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД	82
КАК ОСЛИК, ЕЖИК И МЕДВЕЖОНОК ПИСАЛИ ДРУГ ДРУГУ ПИСЬМА	86
ЗИМНЯЯ СКАЗКА	90
НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА	93
НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА	93
ВЕСЕЛАЯ СКАЗКА	96
ЧЕРНЫЙ ОМУТ	99
КАК ОСЛИК С МЕДВЕЖЕНКОМ	101
ПОБЕДИЛИ ВОЛКА	
СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗКАЯ ПЕСЕНКА	105
КАК ОСЛИК ШИЛ ШУБУ	107
ПРАВДА МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?	109

Сергей Козлов

Правда, мы будем всегда?

* * *

- Ты когда-нибудь слушал тишину, Ежик?*
- Слушал.*
- И что?*
- А ничего. Тихо.*
- А я люблю, когда в тишине что-нибудь шевелится.*
- Приведи пример, – попросил Ежик.*
- Ну, например, гром, – сказал Медвежонок.*

Ни горе стоял дом – с трубой и с крыльцом, с печной для коты, с шестком для петуха, с хлевом для коровы, с конурой для собаки и с новыми тесовыми воротами.

Вечером из трубы пошел дым, на крыльцо вышла бабка, на печки влез кот, на шесток взгромоздился петух, в хлеву захрустела сеном корова, у конуры усе-лась собака – и все стали ждать ночи.

А когда наступила ночь, из-под лопуха вылез маленький лягушонок. Он увидел синий колокольчик, сорвал его и побежал по двору. И над двором повис голубой звон.

– Кто это звонит? – спросила бабка. – Это ты, кот?

Это ты, петух? Это ты, корова?..

А лягушонок бегал и бегал, и голубой звон поднимался все выше и выше, и скоро он повис не только над двором, но и над всей деревней.

– Кто это, кто это так звонит? – спрашивали люди. И повыбегали на улицу, и стали смотреть в звездное небо и слушать голубой звон.

– Это звенят звезды, – сказал мальчик.

– Нет, это ветер, – сказала девочка.

– Это просто звенит тишина, – сказал глухой дед.

А лягушонок бегал без усталости, и голубой звон поднимался уже так высоко, что его слушала вся земля.

– Зачем ты звенишь? – спросил у лягушонка кузнечик. – Это не я звеню, – ответил лягушонок. – Это синий колокольчик звенит.

– А зачем ты звонишь? – не унимался кузнечик.

– Как зачем? – удивился лягушонок. – Не всем же спать на печи и жевать сено. Кто-то ведь должен звонить в колокольчик...

ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ

– А вот и ты! – сказал Медвежонок, однажды проснувшись и увидев на своем крыльце Ежика.

– Я.

– Где же ты был?

– Меня очень долго не было, – сказал Ежик.

– Когда пропадаешь, надо заранее предупредить своих друзей.

ДОБРЫЙ СЛОН

В феврале стояли такие морозы, что Ежик целыми днями топил печь и все равно по утрам не мог вылезти из постели – так было в доме холодно.

«Что же это за наказание? – бормотал Ежик, всовывая лапы в валенки и слезая с постели. – Еще неделю постоят такие морозы – и у меня ни одной дровишки не останется!»

И он зашаркал к печке, отодвинул заслонку и развел огонь.

Огонь весело загудел, и Ежик стал обдумывать свое бедственное положение.

«В лесу теперь снегу – видимо-невидимо! – думал он. – И все тоненькие елочки занесло. А толстую одно-

му не спилить... -Хорошо, кабы Медвежонок наведалься: у него и топор острый, и пила есть, и специальные саночки, чтобы дрова возить... Вот пришли бы они с Осликом и сказали: „Ежик, у тебя, наверное, дрова кончились? Пойдем напилим и наколем новых!“ А я бы их напоил чаем, и мы бы все трое пошли в лес, и тогда бы я ни за что не замерз. А теперь... Медвежонок, наверное, крепко спит и совсем забыл обо мне...»

И Ежику стало так грустно, что он подкинул еще две дровишки и, уже ни о чем не думая, стал смотреть на пламя.

Печь разгорелась, и теперь в доме было тепло, и Ежику уже не верилось, что дровишки могут кончиться и он замерзнет. И он, незаметно для себя размечтался...

"Вот, – мечтал Ежик, – кончатся у меня дровишки, и совсем станет холодно, и начну я замерзать... И об этом узнает Слон в зоопарке. Он притворится спящим, а когда сторожа уснут, прибежит в лес, найдет мой домик, всунет хобот в трубу и станет тепло дышать. А я скажу: «Спасибо, Слон. Мне очень тепло. Пойди теперь погрей Медвежонка – у него, наверное, тоже кончились дрова...И Слон будет каждую ночь убегать из зоопарка и дышать в трубу мне. Медвежонку и Ослику – и мы не замерзнем?..»

А морозы все лютели и лютели. И действительно, скоро у Ежика совсем кончились дровишки. Он в по-

следний раз хорошо протопил печь, сложил на постель все одеяла, а сверху положил полушубок и валенки. Потом залез под эту гору и стал ждать.

Сначала ему было жарко, а потом, когда печь остыла, стало холодно. И с каждым часом становилось все холоднее.

"С-с-скорее бы п-п-пришел С-с-слон!.. – шептал Ежик, свернувшись калачиком под одеялами. Он так замерз, что у него давно уже не попадал зуб на зуб. А Слон все не приходил... – С-с-слон! – звал Ежик. – Я з-з-замерзаю... П-п-приди, п-п-по– жалуйста, Слон!

Ежик звал Слона три дня и две ночи.

А на третью ночь ему стало так тепло, что он даже сбросил с себя полушубок и валенки.

Это в лес пришла оттепель. А Ежику казалось, что это огромный добрый Слон ходит меж сосен и дышит ему в трубу.

ЛЕСНАЯ ОТТЕПЕЛЬ

Ах, какая это была мягкая, теплая оттепель!.. Кружились снежинки, и в лесу пахло весной. Ежик сидел на крылечке своего домика, нюхал воздух и улыбался.

«Не может быть, – думал он, – что еще вчера в лесу трещали деревья и сердитый Дед-Мороз скрипел под окнами своими большими валенками, а сегодня его совсем нет! Где же он?»

И Ежик стал прикидывать, куда мог спрятаться Дед-Мороз.

"Если он влез на сосну, – рассуждал Ежик, – то где-то под сосной стоят его большие валенки. Ведь даже Медвежонок не может влезть в валенках на сосну!

Если он залез под лед, – продолжал размышлять Ежик, – то где-то на реке обязательно должна быть дырка, и из нее должен идти пар. Потому что Дед-Мороз сидит в валенках на дне и дышит.

А если он совсем ушел из леса, я обязательно увижу его следы ! "

И Ежик надел лыжи и побежал между деревьями. Но ни под одним деревом не было валенок, на реке он не увидел ни одной дырки и нигде не нашел никаких следов.

– Дед-Мороз! – крикнул Ежик. – Отзови-и-ись!..

Но было тихо. Только снежинки кружились вокруг, и где-то далеко– далеко стучал Дятел.

Ежик остановился, прикрыл глаза и представил себе красивого Дятла с красными перышками и длинным носом. Дятел сидел на верхушке сосны и время от времени откидывал голову назад, прищуривался и, будто рассердившись, стучал носом: «тук!» Брызгала сосновая кора и, мягко шурша, осыпалась в снег...

«Наверное, Дятел знает, где Дед-Мороз, – подумал Ежик. – Он сидит высоко, и ему все видно».

И он побежал к Дятлу.

– Дятел! – еще издали закричал Ежик. – Ты не видел Деда-Мороза ?

– Тук-тук! – сказал Дятел. – Он ушел!

– А где его следы?

Дятел свесил к Ежику нос, прищурившись, посмотрел на него и сказал:

– А он ушел без следов!

– Как же? – удивился Ежик.

– А очень просто! Приплыло облако и опустилось низко-низко. Дед-Мороз забросил сначала на него ватки, потом влез сам и уплыл...

– Куда? – спросил Ежик.

– На Кудыкину гору. Тук-тук! – сказал Дятел.

И Ежик, успокоенный, пошел домой и по дороге представил себе заснеженную Кудыкину гору, по которой ходит, наверное сейчас Дед-Мороз и скрипит сво-

ими большими валенками.

ЧИСТЫЕ ПТИЦЫ

Больше всего Ежик любил эти первые по-настоящему весенние дни! Уже ни одного островка снега не осталось в лесу, в небе по ночам гроыхал гром, и, хотя молнии не было видно, до самого утра шумел настоящий проливной дождь.

«Лес умывается! – думал Ежик. – Умываются елки, пеньки и опушки. А птицы летят теперь с юга, и им тоже моет дождь перышки!»

И по утрам он выходил на крыльцо и ждал чистых, вымытых птиц.

– Еще не прилетели! – говорила Белка.

– Кар-р-р! Им тр-р-рудно в пути! – картавила Ворона.

А Ежик нюхал воздух и говорил:

– Все равно пахнет чистыми птицами!

И Дятел тогда принимался на самой верхушке сосны чистить себе перышки.

«Я тоже должен быть чистым! – думал он. – А то они прилетят и скажут: что же ты такой пыльный, Дятел?»

Заяц сидел под кустом и мыл себе уши.

– Возьми еловую шишку! – крикнул Ежик. – Еловой шишкой лучше отмывается!

– А чем вы посоветуете почистить мне рога? – спросил, выйдя на опушку перед Ежикиным домиком, Лось.

– Песком, – сказал Ежик. – Нет лучше, чем чистить рога песком. И Лось пошел к берегу реки, лег у самой воды и попросил Лиса, который вылавливал на быстрине блох, почистить ему рога.

– А то неудобно, – пробормотал Лось, – прилетят птицы, а у меня – рога грязные...

– Сейчас! – сказал Лис.

Он был хитрый и знал, как надо чиститься. Он сидел по самую шею в ледяной воде и держал в поднятой лапе пучок прошлогодней травы. Блохи замерзли в воде и теперь сползались по лапе к этому пучку. А когда сползлись все. Лис бросил прошлогоднюю траву в воду, и ее унесло течением.

– Вот и все? – сказал Лис, вылезая на берег. – Где ваши рога? Лось склонил рога, и Лис принялся начищать их песком.

– Чтобы блестели? – спросил он.

– Нет, – сказал Ежик. – Блестящие рога – некрасиво. Они должны быть... туманные?

– То есть чтобы не блестели? – уточнил Лис.

– Чтобы не блестели, – сказал Ежик.

И Лось даже отфыркивался, – так ему было хорошо и приятно.

А Дятел уже совсем вычистил перышки и был теперь чистый и молодой .

Заяц отмыл уши и мыл хвостик.

А Ежик уже давно протер тряпочкой каждую иголку

и был такой чистый, что даже самая чистая птица не смогла бы ему сказать, что она чище его!

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Никогда раньше с Ежиком не случилось такого. Никогда раньше ему не хотелось петь и веселиться без причины. А вот теперь, когда наступил месяц май, он целыми днями пел и веселился, и если кто-нибудь у него спрашивал, отчего он поет и веселится. Ежик только улыбался и начинал петь еще громче.

– Это потому, что весна пришла, – говорил Медвежонок. – Поэтому Ежик и веселится!

А Ежик достал из чулана скрипку, позвал двух зайцев и сказал им:

– Пойдите, возьмите свои прошлогодние барабаны и возвращайтесь ко мне!

И, когда зайцы пришли с барабанами через плечо. Ежик велел им идти позади, а сам пошел первым, наигрывая на скрипке.

– Куда это он идет? – спросил Первый Заяц.

– Не знаю, – ответил Второй.

– Нам бить в барабаны? – спросил он у Ежика.

– Нет, пока не надо, – сказал Ежик. – Разве вы не видите: я играю на скрипке!..

И так они прошли весь лес.

У опушки перед высокой сосной Ежик остановился, задрал мордочку и, не сводя глаз с Белкиного ду-

пла, стал играть самую нежную мелодию, какую только знал. Она называлась: "Грустный Комарик.

"Пи-пи-пи-пи-и!.. – пела скрипка. И Ежик даже прикрыл глаза – так ему было хорошо и печально.

– Зачем мы здесь остановились? – спросил Первый Заяц. – Разве вы не понимаете? – удивился Ежик. – Здесь живет Рыжее Солнышко!

– А в барабаны нам бить?

– Подождите – проворчал Ежик. – Я скажу когда...

И снова прикрыл глаза и заиграл «Грустного Комарика».

Белка сидела в дупле и знала, что это Ежик стоит под сосной, играет «Грустного Комарика» и называет ее Рыжим Солнышком... Но ей хотелось 'подольше послушать скрипку, и поэтому она не выглядывала из дупла.

А Ежик играл целый день до вечера и, когда уставал, кивал головой зайцам – и они потихонечку барабанили, чтобы Белка знала, что Ежик все еще стоит внизу и ждет, когда она выглянет.

КАК ЕЖИК ХОДИЛ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Весенними вечерами все в лесу танцуют: Заяц – с Белкой, Дятел – с Синицей, Медвежонок – с Осликом, и даже старый Волк ходит вокруг старого пня и нет-нет – присядет под музыку...

«Кря! Кря!» – кричат утки с реки.

«Ква! Ква!» – вторят им лягушки.

«Уф-ф!..» – вздыхает Филин. Он так не любит светлых весенних вечеров...

«Вот все веселятся, – думает Ежик, гуляя по тропинке между двух елочек. – Все пляшут и поют. А потом устанут и лягут спать. А я не лягу спать! Я буду гулять до самого утра, а когда ночь станет кончаться, пойду на горку и встречу рассвет...»

И луна уже блестит на небе, и звезды садятся вокруг нее кружком,

и засыпает Заяц,

прячется в дупле Белка,

уходит к себе домой Медвежонок,

бежит мимо Ежика Ослик,

Волк зевает во всю свою волчью пасть, да так и засыпает с разинутой пастью,

а Ежик все ходит по тропинке от елочки к елочке, ме-

ждут двух сосен, и ждет рассвета.

«Пойду-ка я на горку!» – говорит он сам себе. И по дороге придумывает, какой он может быть – весенний рассвет.

«Зеленый, – думает Ежик. – Все весной – зеленое!»

А на горке дует свежий ветерок, и Ежику холодно. Но он все равно ходит взад и вперед по самой верхушке и ждет рассвета.

– Ну же! – бормочет Ежик. – Где же ты? Мне уже холодно!..

А рассвета все нет.

«Где это он задерживается? – думает ежик. – Он наверно, проспал!»

И сам ложится на землю, свертывается клубочком и тоже решает немного поспать, а потом сразу проснуться, когда придет рассвет.

И засыпает...

А рассвет приходит синий-синий, в белых клочьях тумана. Он дует на Ежика, и Ежик шевелит иголками.

– Спит... – шепчет рассвет.

И начинает улыбаться. И чем шире он улыбается, тем светлее становится вокруг.

И когда Ежик открывает глаза, он видит солнышко. Оно плывет по уши в тумане и кивает ему головой.

В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ

После долгой разлуки они сели на крыльце и, по обыкновению, заговорили.

– Как хорошо, что ты нашелся, – сказал Медвежонок.

– Я пришел.

– Ты представляешь, если бы тебя совсем не было?

– Вот я и пришел.

– Где же ты был?

– А меня не было, – сказал Ежик.

ЗАЯЦ И МЕДВЕЖОНОК

Летом Медвежонок подружился с Зайцем. Раньше они тоже были знакомы, но летом друг без друга просто жить не могли...

Вот и сегодня Заяц чуть свет пришел к Медвежонку и сказал:

– Послушай, Медвежонок, пока я к тебе шел, расцвели все ромашки !

– А пока я тебя ждал, – сказал Медвежонок, – отцвели одуванчики. . .

– А когда я только проснулся и подумал, что пойду к тебе, – сказал Заяц, – поспела земляника!

– А я ждал тебя еще раньше, – сказал Медвежонок.
– Когда я проснулся, она только зацветала.

– А когда я засыпал, – сказал Заяц, – я подумал, что хорошо бы утром пойти в гости к Медвежонку... И думал об этом так долго, что, пока я думал, выпала роса...

– А я вечером, – сказал Медвежонок, – набрал ее полный ковшик и пил за твое здоровье!

– Я тебя очень люблю! – сказал Заяц.

– А я без тебя... жить не могу, – сказал Медвежонок.
И они, обнявшись, пошли в лес – собирать ромашки и землянику.

ДРУЖБА

Однажды утром Медвежонок проснулся и подумал: "В лесу много зайцев а мой друг Заяц – один. Надо его как-нибудь назвать! "

И стал придумывать своему другу имя.

«Если я назову его ХВОСТИК, – думал Медвежонок, – то это будет не по правилам, потому что у меня тоже есть хвостик... Если я назову его УСАТИК, это тоже будет нехорошо – потому что и у других зайцев есть усы... Надо назвать его так, чтобы все-все сразу знали, что это – мой друг,».

И Медвежонок придумал.

– Я назову его ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА? – прошептал он. – И тогда всем-всем будет понятно.

И он соскочил с постели и заплясал.

– ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА! – пел Медвежонок. – Ни у кого нет такого длинного и красивого имени!..

И тут появился Заяц.

Он переступил порог, подошел к Медвежонку, погладил его лапой и тихо сказал:

– Как тебе спалось, МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ?

– Что?.. – переспросил Медвежонок.

– Это теперь твое новое имя! – сказал Заяц. – Я всю ночь думал: как бы тебя назвать? И наконец, придумал: МЕДВЕЖОНОККОТОРЫЙДРУЖИТСЗАЙЦЕМ!

У РУЧЬЯ

Заяц сидел на берегу ручья и смотрел в воду. Из воды на него смотрел Другой Заяц, и когда Заяц шевелил ушами и кивал головой, Другой Заяц тоже кивал головой и шевелил ушами.

Подошел Медвежонок.

– Что ты делаешь, Заяц? – спросил он.

– Разве ты не видишь? – удивился Заяц. – Шевелю ушами и киваю головой?

– А зачем?

– Как?! – снова удивился Заяц. – Там, в воде, сидит Другой Заяц. Видишь, он кивает головой и шевелит ушами!

– А Другого Медвежонка там нет? – спросил Медвежонок.

Заяц склонился к самой воде и спросил у Другого Зайца:

– Послушай, там нет Другого Медвежонка?

Другой Заяц посмотрел налево, направо, пошевелил ушами и помотал головой.

– Нет! – сказал Заяц. – Другого Медвежонка там нет. Хочешь, посмотри сам.

И Медвежонок подошел к ручью.

Но только он склонился над водой, как увидел Дру-

того Медвежонка.

– Вот он! – крикнул Медвежонок и пошевелил ушами.

И Другой Медвежонок тоже пошевелил ушами.

И тогда Заяц с Медвежонком уселись рядышком и до самого вечера шевелили ушами и кивали головой, пока не стемнело и Другой Заяц с Другим Медвежонком не встали, не помахали им лапами и не ушли спать...

ТАКОЕ ДЕРЕВО

Раньше всех в лесу просыпались птицы. Они пели, раскачиваясь на ветках, а Медвежонок казалось, будто сами деревья машут ветвями и поют.

– Я тоже буду деревом! – сказал сам себе Медвежонок.

И вышел однажды на рассвете на полянку и стал махать четырьмя лапами и петь.

– Что это ты делаешь, Медвежонок? – спросила у него Волка.

– А ты разве не видишь? – обиделся Медвежонок. – Раскачиваю ветвями и пою...

– Ты разве дерево? – удивилась Белка.

– Конечно! А что же еще?! – А почему ты бегаешь по всей поляне? Разве ты когда-нибудь видел, чтобы деревья бегали?

– Это смотря какое дерево... – сказал Медвежонок, разглядывая свои мохнатые лапы. – А дерево с такими лапами, как у меня, вполне может бегать.

– А кувыркаться такое дерево тоже может?

– И кувыркаться! – сказал Медвежонок.

И перекувырнулся через голову.

– И потом, если ты не веришь, ты можешь побегать со мной, Белка, и увидишь, какое я хорошее дерево!

– А где твои птицы? – спросила Белка.

– Это какие еще птицы?..

– Ну, на каждом дереве живут свои птицы!..

Медвежонок перестал махать лапами и задумался:

«Птицы!.. А где же я возьму птиц?»

– Белка, – сказал он – найди для меня, пожалуйста, немного птиц.

– Это какая же птица согласится жить на Медвежонок? – спросила Белка.

– А ты не говори им, что я – Медвежонок. Скажи им, что я – такое дерево...

– Попробую, – пообещала Белка.

И обратилась к Зяблику.

– Зяблик! – сказала она. – У меня есть одно знакомое дерево... Оно умеет бегать и кувыркаться через голову. Не согласитесь ли вы немного пожить на нем?

– С удовольствием – сказал Зяблик. – Я еще никогда не жил на таком дереве.

– Медвежонок – позвала Белка. – Иди сюда и перестань махать лапами. Вот Зяблик согласен немного пожить на тебе!

Медвежонок подбежал к краю поляны, зажмурился, а Зяблик сел ему на плечо.

«Теперь я настоящее дерево» – подумал Медвежонок и перекувырнулся через голову.

– У-лю-лю-лю-лю!.. – зацеп Зяблик.

– У-лю-лю-лю-лю!.. – запел Медвежонок и замахал

лапами.

В СЛАДКОМ МОРКОВНОМ ЛЕСУ

Заяц больше всего любил морковку.

Он сказал: – Я бы хотел, чтобы в лесу вместо елок росли морковки.

Белка больше всего любила орехи.

Она сказала: – Я бы хотела, Заяц, чтобы вместо шишек на твоих морковках росли орехи.

Медвежонок больше всего любил мед.

Он сказал: – Я бы хотел, чтобы осенью шли медленные медовые дожди.

Ежик больше всего любил сушеные грибы.

Он сказал: – Пусть твои дожди, Медвежонок, начнутся после того, как я наберу грибов.

И так все и вышло.

Вместо елок за одну ночь выросли морковки.

Заяц спилил две морковки и отволок к себе в дом.

На морковочных хвостиках выросли орехи.

Белка набрала их Целую корзину и спрятала в дупле самой толстой морковки.

Ежик ходил между морковок и собирал грибы.

А к осени полились медленные медовые дожди.

Заяц ел морковку с медом.

Белка – орехи с медом.

Ежик – грибы с медом.

А Медвежонок целыми днями стоял на морковочной опушке с разинутой пастью и только когда темнело, – совсем ненадолго, совсем на чуть-чуть, – хорошенько вылизав все четыре медовые лапы, ложился спать...

А все волки из леса ушли.

Потому что волки не любят сладкого.

ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА

– Мне бы знаешь чего больше всего хотелось? – подумав, сказал Медвежонок, Ежику. – Мне бы больше всего хотелось, чтобы на каждой твоей иголке выросло по шишке.

– А что бы выросло потом?

– А потом бы ты стал настоящей елкой и жил целых сто лет.

– Это хорошо... А как бы ты со мной разговаривал?

– Я бы забирался на самую макушку и шептал в темечко.

КАК ЕЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ ПРОТИРАЛИ ЗВЕЗДЫ

Вот уже целый месяц Ежик каждую ночь лазил на сосну и протирал звезды.

«Если я не буду протирать звезды каждый вечер— думал он – они обязательно потускнеют».

И с утра выходил на крыльцо, наламывал свежий веник, чтобы сбивать сначала со звезд пыль, и стирал тряпочку. Тряпочка у него была одна, и поэтому он каждое утро мыл ее и вешал на сосну сушить.

Покончив с приготовлениями. Ежик пообедал и ложился спать. Просыпался он, когда уже выпадала роса. Поужинав, брал тряпочку в одну лапу, а веник в другую и потихонечку, с сучка на сучок, подымался на самую верхушку сосны.

Здесь начиналось самое главное. Сначала звезды надо было об- стукать веником, да так осторожно, чтобы случайно не сбить с неба. Потом веник переложить в левую лапу, а тряпочку взять в правую и протирать звезды до блеска. Работа была кропотливая, и на нее уходила вся ночь.

«А как же иначе? – ворчал Ежик, беседуя сам с собой на верхушке сосны. – Если Медвежонок не протрет звезды, если я не протру звезды, то кто же протрет звезды?..»

Медвежонок в это время тоже сидел на верхушке сосны над своим домом, протирал звезды и думал:

«Удивительно, как это Ежику в голову пришла такая счастливая мысль! Ведь если бы Ежик не придумал чистить звезды, их бы давно уже никто не видел. Вон какая пыльная!..» – И он дунул на звезду и потер тряпочкой...

Медвежонок очень старался, но у него не всегда получалось, как у Ежика. И если с неба падала звезда, все в лесу знали, что это ее нечаянно столкнул Медвежонок.

ЗАЯЦ, ОСЛИК, МЕДВЕЖЕНОК И ЧУДЕСНЫЕ ОБЛАКА

У Зайца с Медвежонок сегодня с самого утра было очень много забот. Во-первых, навестить лесных пчел, во-вторых, нарвать заячьей капусты, в-третьих, искупаться в реке, в-четвертых, поваляться на травке, а в-пятых. Медвежонок – поесть меду. Зайцу – заячьей капусты, а потом, сидя на пеньке, поговорить о минувшем дне...

И поэтому они проснулись рано-рано, умылись и побежали на– вещать пчел.

– Эй, пчелы! – крикнул Медвежонок когда они остановились под деревом, на котором жили лесные пчелы. – Не дадите ли вы мне немножко медку?

– Как же! – сказала Главная Пчела. – Жди!

– Он и так уже целую неделю ждет, – сказал Заяц.

Я жду... – сказал Медвежонок.

– Вот и жди! – сказала Главная Пчела и спряталась в дупле.

Заяц с Медвежонок потоптались-потоптались под деревом, а по– том побежали искать заячью капусту.

– Что-то нигде не видно твоей капусты, – сказал Медвежонок.

– Я сам удивляюсь! – сказал Заяц. – Только вчера

Через нее надо было продираться, как сквозь кустарник, а сегодня – ни одного листика. ..

– Бежим купаться! – сказал Медвежонок.

И они выбежали к реке.

У самой воды сидел Ослик и задумчиво глядел на облака.

– Ослик! – закричали Заяц с Медвежонок. – Мы...

– Тсс! – сказал Ослик.

И Заяц с Медвежонок задрали головы.

Прямо над ними плыло три облака. Одно было похоже на Медвежонок, одно – на Зайца, а третье – на Ослика.

– Я плыву первым! – сказал Медвежонок, устраиваясь на травке.

– А я тебя догоняю! – сказал Заяц и сел рядом.

– Подождите меня! – попросил Ослик.

– Мы не можем, – сказал Медвежонок, – мы торопимся!

– Видишь, я тебя уже догнал! – крикнул Заяц.

– А куда вы торопитесь? – спросил Ослик.

– Щипать заячью капусту и есть мед, – сказал Медвежонок.

И тут на небо выплыло целое облако заячьей капусты и маленькое янтарное облачко меда.

Облако-Медвежонок принялось есть облачко-мед, а Облако-Заяц – щипать облако заячьей капусты.

– Оставь мне немножко заячьей капусты! – попросил

Ослик.

– Я бы с удовольствием, – сказал Заяц. – Но видишь, я уже все съел.

И действительно. Облако-Заяц съело все облако заячьей капусты и на глазах растолстело.

– Как вкусно!.. – шептал Медвежонок, лежа на травке и глядя, как Облако-Медвежонок потихонечку ест облачко-мед. – Я никогда не ел такого вкусного меда!

– И все-таки это не по правилам, – сказал Ослик. – Разве я виноват, что я так медленно плыву?

– А ты поторопись! – сказал Медвежонок. – Может быть, я тебе еще дам лизнуть меда...

УДИВИТЕЛЬНАЯ БОЧКА

Медвежонок нарисовал на кусочке бересты бочку с медом тут же съел мед и лег спать.

Пришел Ежик увидел пустую бочку, взял уголек и пририсовал со всех сторон гвоздики. Получился толстый ежик.

Медвежонок проснулся, увидел толстого ежика вместо бочки, тронул его лапой и укололся.

Тогда он стукнул лапой сильнее, но еще сильнее укололся.

«Что же это такое?» – возмутился Медвежонок. Взял уголек и за– тупил гвоздики. Теперь бочка не кололась.

«Надо снова наполнить ее медом», – решил Медвежонок. И так и сделал .

Поев нарисованного меда, он уснул, и тут снова пришел Ежик и угольком пририсовал бочке лапы. Бочка постучала по бересте одной, потом другой, потом третьей, потом четвертой лапой, приподнялась и пошла.

– Стой? – крикнул Ежик. И пририсовал хвостик.

И бочка пошла, помахивая хвостиком.

Медвежонок проснулся и увидел шагающую бочку.

– Стой! – крикнул он.

Но бочка и не подумала его послушаться.

Тогда он схватил уголек и привязал ее к колышку.

Бочка рвалась на привязи, и у Медвежонок так и мелькал в глазах ее хвостик.

– Угомонись! – кричал он – Я налью в тебя меда!

Но бочка не желала успокаиваться. Она топала всеми четырьмя лапами и так рвалась, что вот-вот должна была оборвать привязь.

– Бочка! – рассвирепел Медвежонок. – Кто тебе пририсовал лапы?

Бочка молчала. Тогда Медвежонок пририсовал ей медвежью голову и язычок.

– Ежик! – сказала бочка.

– Ах, вот оно что! – закричал Медвежонок. Привязал бочку еще к одному колышку и побежал к Ежику.

– Это ты пририсовал моей бочке лапы? – с порога крикнул он.

– Что ты! – сказал Ежик. – Я и рисовать не умею.

– Нет, умеешь? Бочка говорит, что это ты.

– Чем это она говорит?

– Языком. Я ей Целую голову нарисовал!

– Зачем же тебе бочка с головой? – удивился Ежик.

– А зачем мне бочка с лапами? – спросил Медвежонок.

– Ну, – сказал Ежик, – лапы бочке очень полезны. Пойдешь ты, например, в лес, и она с тобой. А надоест – привяжешь к пеньку, и все... А теперь она тебя разговорами замучает!

– Что же мне делать? – спросил Медвежонок.

– Иди домой, – сказал Ежик, – спусти ее с привязи и ложись спать. А утром, когда она набегается, наполнишь ее медом и позавтракаешь.

– Ты прав, – сказал Медвежонок.

Вздыхнул и отправился домой.

В САМОЕ ЖАРКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, КОТОРОЕ БЫЛО В ЛЕСУ

В самое жаркое воскресенье, которое было в лесу, к Медвежонку пришел Волк.

Медвежонок сидел на трубе своего домика, держал в лапе над головой огромный лопух и, зажмурившись от удовольствия, лизал проплывающие облака.

– Здравствуй, Медвежонок! – прохрипел Волк, подстилая под себя хвост и усаживаясь на пороге медвежачьего домика. – Холодные сегодня облака?

«К чему бы это он?» – подумал Медвежонок, а вслух сказал:

– Здравствуй, Волчище! Зачем пожаловал?

По небу плыли редкие облака; далекое солнышко повисло над лесом; Волк высунул язык, слизнул самое прохладное облако и прошептал :

– Стар я... Тошно мне, Медвежонок!.. С самого четверга.

«Врет!» -подумал Медвежонок. А вслух спросил:

– А что было в четверг?

– В четверг я съел твоего друга – Зайца. Твоего любимого зайца, которого ты назвал: ЗАЯЦДРУГМЕДВЕЖОНКА... Незабываемый был заяц!..

«Врет, – снова подумал Медвежонок. – ЗАЯЦДРУГ-

МЕДВЕЖОНКА сидит сейчас в подполе и пьет холодное молоко!»

– А зачем ты его съел? – спросил Медвежонок.

– Я его съел, потому что очень был голоден, – прошептал Волк, высунул язык и полизал небо.

– Послушай, Волк! – сказал Медвежонок. – Если ты будешь лизать небо над моим домом, здесь никогда не упадет дождя. Потерпи немножко, а если не можешь – уходи в другое место

– Но я же съел твоего друга Зайца! – прохрипел Волк. – Я хочу, чтобы ты мне что-нибудь сказал!..

– Вот я тебе и говорю, – сказал Медвежонок, – убери язык и прекрати так жарко дышать.

– Но...

Здесь Волк проглотил слюну – потому что Медвежонок у него на глазах подтащил лапой к себе длинненькое, прозрачное облако, полизал его, закрыл от удовольствия глаза, переломил пополам и съел, так и не открывая глаз.

– Но так же нельзя! – поперхнулся от обиды Волк. – Кто же хватает облака лапами?!

– Ты молчи, – сказал Медвежонок, по-прежнему сидя на трубе с закрытыми глазами. – Кто съел ЗАЙЦА-ДРУГАМЕДВЕЖОНКА?

– Позволь, я лизну следующее... – попросил Волк.

– Над моим домом сегодня совсем не плывут облака. Я не ел твоего Зайца

– Ел, – сказал Медвежонок. И посмотрел туда, откуда дул ветер. – Ел! – повторил он. И схватил лапой синюю льдышку облака.

Волк высунул язык, но Медвежонок уже сидел с закрытыми глазами и гладил себя правой лапой по животу.

– Не ел я твоего Зайца – прохрипел Волк.

Медвежонок не обращал на него никакого внимания.

– Ел!.. Ел!.. – прошамкал беззубой пастью Волк. – Если бы я мог кого-нибудь съесть!..

И ушел, замечая легкую пыль своим горячим хвостом.

КАК СЛОН ХОДИЛ В ГОСТИ К ЕЖИКУ

Однажды из городского зоопарка убежал Слон.

Это такая обычная история, что мне было бы даже лень ее рассказывать, если б Слон убежал днем и пошел по улицам, мешая автобусам, троллейбусам, заходя в магазины и удивляя прохожих. Конечно же, тут за ним увязалась бы толпа мальчишек: мальчишки бы свистели, улюлюкали, а один из них даже пошел бы перед Слоном, как будто он и есть самый главный...

Но Слон ушел из зоопарка ночью, быстро пересек город, перебежал картофельное поле и скрылся в лесу. Его видел только один ночной сторож возле булочной, да и тому показалось, что Слон ему приснился.

Вбежав в лес, Слон отдышался и пошел медленнее. Вот тут-то и начинается самое интересное.

...Ежик сидел на пеньке посреди полянки и при свете звезд строгал палочку для грибов. Медвежонок спал. Ослик щипал травку.

И вдруг появился Слон.

– Здравствуйте! – протрубил он.

– Добрый вечер! – сказал Ежик и так задрал голову, что чуть не свалился с пенька.

Ослик поклонился и прижал уши.

Медвежонок во сне перевернулся на другой бок.

– Здравствуйте! – снова затрубил Слон. – Я только что убежал из зоопарка!

– Мы очень рады, – сказал Ослик и лягнул копытцем Медвежонка.

Медвежонок вскочил, увидел Слона и тут же сел на травку...

– Кто ты? – спросил он спросонок.

– Слон.

– А почему меня разбудил?

– Я тебя не будил. Я убежал из зоопарка.

– А что мы будем делать?

– Веселиться!

– Как? – спросил Ослик. – Я хочу Вас покатасть, – сказал Слон и встал на колени.

– Будьте добры, подвиньтесь, пожалуйста, поближе к пеньку! – попросил Ежик.

Слон пододвинулся к пеньку, и Ежик первый вскарабкался на него, а за ним – Ослик и Медвежонок.

В лапе у Ежика была палочка для грибов, он сидел ближе всех к голове Слона и поэтому стал главным.

– Слушать меня! – сказал Ежик Слону. – Сейчас поехали прямо!

И они поехали прямо через лес, напевая веселую песенку:

Не на осле,

Не на коне -

Мы едем прямо на Слоне!

Ослик был запевалой. Медвежонок отбивал задними лапами такт, а Слон трубил: «Та-ра-ра-ра!»

Ежик дирижировал, помахивая палочкой, и так они выехали к реке.

Над рекой стоял белый туман, и Слон весь утонул в тумане и ничего не видел. А Ежик командовал:

– А теперь – немного левее!.. А теперь – вправо!

Ослик с Медвежоном пели песню и барабанили по Слону лапами и копытами.

– Туруру-ру!.. – трубил из тумана Слон.

И скоро проснулся весь лес.

Вылез из своего логова и завыл Волк, заухал Филин, заквакали лягушки.

– Кто это нам подпевает? – спросил Слон.

– Не отвлекайтесь, пожалуйста, – сказал Ежик, – а то мы налетим на дерево!..

Они уже давно мчались во весь дух, так что только елки и сосны мелькали со всех сторон. Слона совсем не было видно, и казалось, что Ежик, Ослик и Медвежонок сами летят по туману.

– Жаль, что нас никто не видит! – шепнул Ослик Медвежонку.

– Да!.. – вздохнул Медвежонок.

И они снова подхватили песню:

Не на осле,

Не на коне, -

запевал Ослик.

Мы мчимся прямо на Слоне! -

подхватывал Медвежонок.

– Туруру! – глухо доносилось откуда-то снизу.

И так они веселились до самого утра.

Когда взошло солнце. Слон лег спать возле Ежикиного дома, здесь-то его и нашли служители зоопарка.

– Эка, умаялся! – сказал один.

– Небось целую ночь бегал! – заметил второй.

– Слон, он простор любит, – сказал первый.

И они надели на ноги Слону цепи и повели его в город.

ЕЖИК И МОРЕ

– А когда тебя не было, ты где-нибудь был?

– Угу.

– Где?

– Там, – сказал Ежик и махнул лапой.

– Далеко?

Ежик съежился и закрыл глаза.

ЕЖИК И МОРЕ

Жил-был в лесу Ежик-иголка. Был у него дом с печкой лампочка в доме из гриба-лисички и полная кладовая припасов. Но все Ежику чего-то хотелось...

– Неспокойно мне, – говорил он Васильку. – Вот здесь мутит, – показывал на грудь. – К морю хочется.

Василек никогда не видел моря, и поэтому говорил.

– Зря ты печалишься, ежик. Посмотри, какой я красивый, взгляни, как высоки сосны, послушай, как птицы поют! И все тебя здесь, в лесу, знают и любят.

Но Ежик с каждым днем печалился все больше.

– Хочется мне к морю! – жаловался он Муравью.

– А какое оно? – спрашивал Муравей.

– Большое. Но я его никогда не видел.

И вот как-то ранним утром, когда в небе еще плавали молочные звезды. Ежик вышел из своего домика и пошел к морю. В лапе у него была палка, а за плечом – котомка с едой.

Сначала он шел лесом, и птицы пели над ним, и трава, мокрая от росы, шуршала под ногами. Потом лес кончился, и путь Ежику преградила река.

– Эй! – крикнул Ежик.

И по всей реке понеслось: "Эй-эй-эй!..

– Ты чего кричишь? – спросила, подлетев, Утка.

– Переправиться надо, – сказал Ежик.

И Утка подставила ему свою спину и перевезла на другой берег.

– Спасибо, Утка, – сказал Ежик и зашагал дальше.

Теперь он шел по огромному лугу. Трещали кузнечики, звенели стеклянными крылышками стрекозы, и где-то высоко в небе распевал жаворонок.. .

Долго ли шел Ежик, коротко ли, он вышел к морю.

– Здравствуй, море! – сказал Ежик.

– Здравствуй, Ежик! – сказала море.

И накатилась волна. «Пффф-ф!.. – ударила она в берег. – Шшшш...» – зашуршала по камушкам, отступая.

И Ежик тоже сделал шаг вперед и сказал: «Пффф-ф!.. – и, отбежав немного: – Шшш-ш!..»

– Я на тебя похож, да?

– Очень! – сказала море. И снова ударило волной в

берег.

Целый день Ежик играл с морем: то подбегал к самой воде, то от– бегал прочь.

Засыпая на песке под скалой, он поеживался, и ему казалось, что он тоже – маленькое море на четырех лапах.

«Пффф-ф!.. – бормотал он себе под нос. – Шшш-ш!..»

И подымал и опускал иголки.

ЕЖИКИНА СКРИПКА

Ежик давно хотел научиться играть на скрипке. «Что ж, – говорил он, – птицы поют, стрекозы звенят, а я только шипеть умею?»

И он настрогал сосновых дощечек, высушил их и стал мастерить скрипку. Скрипка вышла легонькая, певучая, с веселым смычком.

Закончив работу. Ежик сел на пенек, прижал к мордочке скрипку и потянул сверху вниз смычок. «Ни-и-и...» – запищала скрипка. И Ежик улыбнулся.

«Пи-пи-пи– пи..» – вылетело из-под смычка. И Ежик стал придумывать мелодию.

«Надо придумать такую, – думал он, – чтобы шумела сосна, па– дали шишки и дул ветер. Потом, чтобы ветер стих, а одна шишка долго– долго качалась, а потом, наконец, шлепнулась – хлоп? И тут должны запищать комары, и наступит вечер».

Он поудобнее уселся на пеньке, покрепче прижал скрипку и взмахнул смычком.

«Ууу!...» – загудела скрипка.

"Нет, – подумал Ежик, – так, пожалуй, гудит пчела... Тогда пускай это будет полдень. Пускай гудят пчелы, ярко светит солнышко и по дорожкам бегают муравьи.

И он, улыбаясь, заиграл: «У-у-у! У-у-у-у!...»

«Получается!» – обрадовался Ежик. И целый день, до вечера, играл «Полдень».

«У-у-у! У-у-у!..» – неслоь по лесу. И посмотреть на Ежика со– брались тридцать муравьев, два кузнечика и один комар.

– Вы немножко фальшивите, – вежливо сказал комар, когда Ежик устал. – Четвертое "у" надо взять чуть-чуть потоньше. Вот так...

И он запищал: «Пи-и-и!..»

– Нет, – сказал Ежик, – вы играете «Вечер», а у меня «Пол– день». Разве вы не слышите?

Комар отступил на шаг своей тоненькой ножкой, склонил голову набок и приподнял плечи.

– Да-да, – сказал он, прислушиваясь. – Полдень! В это время я очень люблю спать в траве.

– А мы, – сказали два кузнечика, – в полдень работаем в кухне. К нам как раз через полчаса залетит стрекоза и попросит выковать новое крылышко! . .

– А у нас, – сказали муравьи, – в полдень – обед.

А один муравей вышел вперед и сказал: – Поиграйте, пожалуйста, еще немного: я очень люблю обедать!

Ежик прижал скрипку и заводил смычком.

– Очень вкусно! – сказал муравей. – Я каждый вечер буду при– ходить слушать ваш «Полдень».

Выпала роса.

Ежик, как настоящий музыкант, поклонился с пенька муравьям, кузнечикам и комару и унес скрипку в дом,

чтобы она не отсырела.

Вместо струн на скрипке были натянуты травинки, и, засыпая, Ежик думал, как завтра он натянет свежие струны и добьется все-таки того, чтобы скрипка шумела сосной, дышала ветром и топотала падающими шишками...

ЕЖИК В ТУМАНЕ

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках. Из-за туч вышла луна и, улыбаясь поплыла по небу.

"МММ-у!.. – вздохнула корова за рекой. Завыла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось – большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ежик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипачках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

«Расскажу – не поверят!» – подумал Ежик и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

"Вот и звезда упала, – заметил он, – и трава наклонилась влево, и от елки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью...

А интересно, – думал Ежик, – ели лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?"

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

– Вот, – сказал Ежик. – Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь! – позвал он.

Но лошадь ничего не сказала.

«Где же лошадь?» – подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо темно и мокро, лишь высоко вверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго, и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит.

Бул-тых ! . .

«Я в реке!» – сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнул, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

«Пускай река сама несет меня!» – решил он. Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

– Извините, – беззвучно сказал кто-то, – кто вы и как сюда попали?

– Я – Ежик, – тоже беззвучно ответил Ежик. – Я упал в Реку.

– Тогда садитесь ко мне на спину, – беззвучно проговорил кто-то. – Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через

минуту оказался на берегу.

– Спасибо – вслух сказал он.

– Не за что – беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

«Вот так история... – размышлял Ежик, отряхиваясь. – Разве кто поверит?!»

И заковылял в тумане.

ОДНАЖДЫ В СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Однажды с самого утра появилось солнце. Сначала оно осветило только верхушки деревьев потом позолотило кусты и траву, потом утренний туман растаял, и Ежик вышел из своего домика.

– Доброе утро? – сказала ему Травинка.

– Доброе утро! – пробормотал Ежик. Умылся в росе и отправился завтракать.

Позавтракав, он снова вышел на крылечко, потянулся, пошел к широкой поляне и сел там под густым вязом.

Солнечные зайцы водили в траве хоровод, в ветвях пели птицы, а Ежик смотрел во все глаза и слушал.

Пришел Медвежонок, сел рядом с Ежиком, и они стали смотреть и слушать вместе.

– Как красиво они пляшут! – сказал Медвежонок, чуть по– двигаясь вправо.

– Очень! – сказал Ежик. И тоже пододвинулся, потому что солнечные зайцы понемножку уводили хоровод вправо.

– Я никогда не видел таких крупных солнечных зайцев, – сказал Медвежонок.

– И я, – подтвердил Ежик.

– Как, по-твоему, у них есть уши? – спросил Медве-

жонок, продолжая тихонько двигаться вокруг ствола за заячьим хороводом.

– Нет, – сказал Ежик, стараясь не отставать от Медвежонка. – Думаю, нет.

– А по-моему, есть! – сказал Медвежонок.

– И я так думаю, – согласился Ежик.

– Так ты же только что думал иначе!

– Я люблю думать по-разному, – ответил Ежик, перебирая лапами.

– По-разному думать плохо, – сказал Медвежонок.

Они уже один раз обернулись вокруг вяза и теперь пошли на второй круг.

По-разному думать, – продолжал Медвежонок, – это значит – по-разному говорить...

Что ты! – возразил Ежик. говорить можно одно и то же. – И подвинулся.

Нет, – сказал Медвежонок. – Если по-разному думаешь – по-разному говоришь!

А вот и нет! – сказал Ежик. Думать можно по-разному, а говорить одно и то же.

– Как же так? – удивился Медвежонок, продолжая двигаться и слушать птиц. Он даже приподнял дальнее от Ежика ухо, чтобы слышать птиц лучше.

– А очень просто! – сказал Ежик. – , например, все время думаю о том, как хорошо сидеть под вязом и смотреть на солнечных зайцев, а говорю совсем о другом.

– Как о другом?! – возмутился Медвежонок. – Мы же говорим о том, есть ли у них уши!

– Конечно, нет! – сказал Ежик.

– Ты же только что говорил, что есть!

– А теперь говорю, что нету.

– И тебе не стыдно?!

– Почему же мне должно быть стыдно? – удивился Ежик. – Я же могу иметь свое мнение.

– Но оно у тебя – разное!..

– А почему я не могу иметь разное свое мнение? – спросил Ежик и пододвинулся.

Пока он говорил, Медвежонок не двигался с места, и теперь между ними образовалось порядочное расстояние.

– Ты меня расстраиваешь, – сказал Медвежонок и сел рядом с Ежиком. – Давай молча смотреть на зайцев и слушать птиц.

– Тюи! Тюи! – пели птицы.

– А все-таки лучше думать одинаково! – вздохнул Медвежонок.

Зайцы устали плясать и растянулись на траве.

Теперь Ежик с Медвежонок неподвижно сидели под вязом и смотрели на заходящее солнце.

– Зря ты расстраиваешься, – сказал Ежик. – Конечно, у солнечных зайцев есть уши!..

И хотя Ежик с Медвежонок чуть было не поссорились, это был очень счастливый солнечный день!

ОСЕННИЕ СКАЗКИ

- Вот мы с тобой говорим, говорим, дни летят, а мы с тобой все говорим.*
- Говорим, – согласился Ежик.*
- Месяца проходят, облака летят, деревья голенькие, а мы все, беседуем.*
- Беседуем.*
- А потом все совсем пройдет, а мы с тобой вдвоем только и останемся.*
- Если бы!*
- А что ж с нами станет?*
- Мы тоже можем пролететь.*
- Как птицы?*
- Ага.*
- А куда?*
- К югу, – сказал Ежик.*

КАК ПОЙМАТЬ ОБЛАКО

Когда пришла пора птицам улетать на юг и уже давно увяла трава и облетели деревья. Ежик сказал Медвежонку:

– Скоро зима. Пойдем поудим напоследок для тебя рыбки. Ты ведь любишь рыбку!

И они взяли удочки и пошли к реке.

На реке было так тихо, так спокойно, что все деревья

склонились к ней печальными головами, а посередине медленно плыли облака. Облака были серые, лохматые, и Медвежонку стало страшно.

«А что, если мы поймаем облако? – подумал он. – Что мы тогда с ним будем делать?»

– Ежик! – сказал Медвежонок. – Что мы будем делать, если поймаем облако?

– Не поймаем, – сказал Ежик. – Облака на сухой горах не ловятся! Вот если бы ловили на одуванчик...

– А на одуванчик можно поймать облако?

– Конечно! – сказал Ежик. – На одуванчик облака только и ловятся!

Стало смеркаться.

Они сидели на узеньком березовом мостке и смотрели в воду. Медвежонок смотрел на поплавок Ежика, а Ежик – на поплавок Медвежонка. Было тихо-тихо, и поплавки неподвижно отражались в воде. . .

– Почему она не клюет? – спросил Медвежонок.

– Она слушает наши разговоры, – сказал Ежик. – Рыбы к осени очень любопытны!..

– Тогда давай молчать.

И они целый час сидели молча.

Вдруг поплавок Медвежонка заплясал и глубоко нырнул.

– Клюет! – крикнул Ежик.

– Ой! – воскликнул Медвежонок. – Тянет!

– Держи, держи! – сказал Ежик.

– Что-то очень тяжелое, – шепнул Медвежонок. – В прошлом году здесь утонуло старое облако. Может, это – оно?..

– Держи, держи! – повторил Ежик.

Но тут удочка Медвежонка согнулась дугой, потом со свистом распрямилась – и высоко в небо взлетела огромная красная луна.

– Луна! – в один голос выдохнули Ежик с Медвежонком.

А луна покачнулась и тихо поплыла над рекой.

И тут пропал поплавок ежика.

– Тяни! – шепнул Медвежонок.

Ежик взмахнул удочкой – и высоко в небо, выше луны, взлетела маленькая звезда.

– Так... – прошептал Ежик, доставая две новые горошины. – Теперь только бы хватило наживки!..

И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звезды и забрасывали ими все небо.

А перед рассветом, когда горох кончился. Медвежонок свесился с мостка и вытащил из воды два оранжевых кленовых листа.

– Лучше нет, чем ловить на кленовый листик! – сказал он.

И стал было уже задремывать, как вдруг кто-то крепко схватился за крючок.

– Помоги!.. – шепнул Ежику Медвежонок.

И они, усталые, сонные, вдвоем еле-еле вытащили

из воды солнышко.

Оно отряхнулось, прошлось по узенькому мостку и покатило в поле.

Кругом было тихо, хорошо, и последние листья, как маленькие кораблики, медленно плыли по реке...

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

С каждым днем все позднее светало, и лес стал таким прозрачным, что казалось: обшарь его вдоль и поперек – не найдешь ни одного листика.

– Скоро и наша береза облетит, – сказал Медвежонок. И показал лапой на одинокую березу, стоящую посреди поляны.

– Облетит... – согласился Ежик.

– Подуют ветры, – продолжал Медвежонок, – и она вся так и затрясется, а я буду во сне слышать, как падают с нее последние листья. А утром проснусь, выйду на крыльцо, а она – голая!

– Голая... – согласился Ежик.

Они сидели на крылечке медвежачьего домика и смотрели на одинокую березу посреди поляны.

– Вот если бы на мне весной вырастали листья? – сказал ежик. – Я бы осенью сидел у печки, и они бы ни за что не облетели.

– А какие бы ты хотел листья? – спросил Медвежонок. – Березовые или ясеневые?

– Как у клена? Тогда бы я осенью был рыжий-рыжий, и ты бы меня принял за маленького Лисенка. Ты бы мне сказал: «Маленький Лисенок, как поживает твоя мама?» А я бы сказал: «Мою маму убили охотники, а я

теперь живу у Ежика. Приходи к нам в гости?» И ты бы пришел. «А где же Ежик?» – спросил бы ты. А потом, наконец, догадался, и мы бы долго-долго смеялись, до самой весны...

– Нет, – сказал Медвежонок. – Лучше, если бы я не догадался, а спросил: «А что. Ежик пошел за водой?» – «Нет?» – сказал бы ты. «За дровами?» – «Нет?» – сказал бы ты. «Может, он пошел к Медвежонку в гости?» И тут бы ты кивнул головой. А я бы пожелал тебе спокойной ночи и побежал к себе, потому что ты ведь не знаешь, где я теперь прячу ключ, и тебе пришлось бы сидеть на крыльце.

– Но я же ведь остался бы у себя дома! – сказал Ежик.

– Ну, так что ж! – сказал Медвежонок. – Ты бы сидел у себя дома и думал: «Интересно, это Медвежонок притворяется или по-настоящему не узнал меня?» А я бы пока сбегал домой, взял маленькую баночку меда, вернулся к тебе и спросил: «А что. Ежик еще не возвращался?»" А ты бы сказал...

– А я бы сказал, что я и есть Ежик! – сказал Ежик.

– Нет, – сказал Медвежонок. – Лучше бы ты ничего такого не говорил. А сказал так...

Тут Медвежонок запнулся, потому что с березы посреди поляны вдруг сорвалось сразу три листика. Они немного покружились в воздухе, а потом мягко опустились в порыжевшую траву.

– Нет, лучше бы ты ничего такого не говорил,-повторял Медвежонок. – А мы бы просто попили с тобой чай и легли спать. И тогда бы я во сне обо всем догадался.

– А почему во сне?

– Самые лучшие мысли ко мне приходят во сне, – сказал Медвежонок. – Вон видишь: на березе осталось двенадцать листиков. Они уже никогда не упадут. Потому что вчера ночью я во сне догадался, что сегодня утром их надо пришить к веточке.

И пришил? – спросил Ежик.

– Конечно, – сказал Медвежонок. – Той самой иголкой, которую ты мне подарил в прошлом году.

КАК ОСЛИКУ ПРИСНИЛСЯ СТРАШНЫЙ СОН

Дул осенний ветер. Звезды низко кружились в небе, а одна холодная, синяя звезда зацепилась за сосну и остановилась прямо против домика Ослика.

Ослик сидел за столом, положив голову на копытцам и смотрел в окно.

«Какая колючая звезда», – подумал он. И уснул. И тут же звезда опустилась прямо к его окошку и сказала:

– Какой глупый Ослик! Такой серый, а клыков нет.

– Чего?

– Клыков! – сказала звезда. – У серого кабана есть клыки и у серого волка, а у тебя нет. – А зачем они мне? – спросил Ослик.

– Если у тебя будут клыки, – сказала звезда, – тебя все станут бояться.

И тут она быстро-быстро замигала, и у Ослика за одной и за другой щекой выросло по клыку.

– И когтей нет, – вздохнула звезда. И сделала ему когти.

Потом Ослик очутился на улице и увидел Зайца.

– Здр-р-равствуй, Хвостик! – крикнул он. Но косою помчался со всех ног и скрылся за деревьями.

«Чего это он меня испугался?» – подумал Ослик. И

решил пойти в гости к Медвежонок.

– Тук-тук-тук! – постучал Ослик в окошко.

– Кто там? – спросил Медвежонок.

– Это я, Ослик, – и сам удивился своему голосу.

– Кто? – переспросил Медвежонок.

– Я? Откр-рой!..

Медвежонок открыл дверь, попятился и мигом скрылся за печкой.

«Чего это он?» – снова подумал Ослик. Вошел в дом и сел на табуретку.

– Что тебе надо? – испуганным голосом спросил из-за печки Медвежонок.

– Чайку пр-р-ришел попить, – прохрипел Ослик. «Странный голос, однако, у меня», – подумал он.

– Чаю нет! – крикнул Медвежонок. – Самовар прохудился?

– Как пр-рохудился?!

Я только на той неделе подар-рил тебе новый самовар?

– Ничего ты мне не дарил? Это Ослик подарил мне самовар?

– А я кто же?

– Волк!

– Я?!. Что ты! Я люблю тр-р-равку!

– Травку? – высунулся из-за печки Медвежонок.

– Не волк я! – сказал Ослик. И вдруг нечаянно лягнул зубами.

Он схватился за голову и... не нашел своих длинных пушистых ушей. Вместо них торчали какие-то жесткие, короткие уши...

Он посмотрел на пол – и обомлел: с табуретки свешивались когтистые волчьи лапы...

– Не волк я! – повторил Ослик, щелкнув зубами.

– Рассказывай! – сказал Медвежонок, вылезая из-за печки. В лапах у него было полено, а на голове – горшок из-под топленого масла.

– Что это ты надумал?! – хотел крикнуть Ослик, но только хрипло зарычал: – Prrrr!!!

Медвежонок стукнул его поленом и схватил кочергу.

– Будешь притворяться моим другом Осликом? – кричал он. – Будешь ?!

– Честное слово, не волк я, – бормотал Ослик, отступая за печку. – Я люблю травку!

– Что?! Травку?! Таких волков не бывает! – кричал Медвежонок, распахнул печку и выхватил из огня горящую головню.

Тут Ослик проснулся...

Кто-то стучал в дверь, да так сильно, что прыгал крючок.

– Кто там? – тоненько спросил Ослик.

– Это я! – крикнул из-за двери Медвежонок. – Ты что там спишь?

Да, – сказал Ослик, отпирая. – Я смотрел сон.

– Ну?! – сказал Медвежонок, усаживаясь на табурет-

ке. – Интересный?

– Страшный! Я был волком, а ты меня лупил кочергой...

– Да ты бы мне сказал, что ты – Ослик!

– Я говорил, – вздохнул Ослик, – а ты все равно не верил. Я говорил, что если я даже кажусь тебе волком, то все равно я люблю щипать травку!

– Ну и что? – Не поверил...

– В следующий раз, – сказал Медвежонок, – ты мне скажи во сне: «Медвежонок, а по-омнишь, мы с тобой говорили?..» И я тебе поверю.

ДОВЕРЧИВЫЙ ЕЖИК

Два дня сыпал снег потом растаял, и полил дождь.

Лес вымок до последней осинки. Лиса – до самого кончика хвоста, а старый Филин три ночи никуда не летал, сидел в своем дупле и огорчался. «Ух!» – вздыхал он.

И по всему лесу разносилось: «Ух-х-х!..»

А в доме у Ежика топилась печь, потрескивал в печи огонь, а сам Ежик сидел на полу у печки, помаргивая, глядел на пламя и радовался.

– Как хорошо! Как тепло! Как удивительно! – шептал он. – У меня есть дом с печкой!

«Дом с печкой! Дом с печкой! Дом с печкой!» – запел он и, пританцовывая, принес еще дровишек и бросил их в огонь.

– Ха-ха! – хохотнул Огонь и облизнул дровишки. – Сухие!

– Еще бы! – сказал Ежик. – А много у нас дровишек? – спросил Огонь.

– На всю зиму хватит!

– Ха-ха-ха-ха-ха! – захохотал Огонь и принялся так плясать, что Ежик испугался, как бы он не выскочил из печки.

– Ты не очень! – сказал он Огню. – Выскочишь! – И

прикрыл его дверцей.

– Эй! – крикнул Огонь из-за дверцы. – Ты чего меня запер? Давай поговорим!

– О чем?

– О чем хочешь! – сказал Огонь и просунул нос в щелочку.

– Нет уж, нет уж! – сказал Ежик и стукнул Огонь по носу.

– Ах, ты дерешься! – взвился Огонь и загудел так, что Ежик снова испугался.

Некоторое время они молчали.

Потом Огонь успокоился и жалобно сказал:

– Послушай, Ежик, я проголодался. Дай мне еще дровишек – у нас же их много.

– Нет, – сказал Ежик, – не дам. В доме и так тепло.

– Тогда открой дверцу и дай мне посмотреть на тебя.

– Я дремлю, – сказал Ежик. – На меня сейчас неинтересно смотреть.

– Ну, что ты! Я больше всего люблю смотреть на дремлющих ежей.

– А почему ты любишь смотреть на дремлющих?

– Дремлющие ежики так красивы, что на них трудно наглядеться.

– И если я открою печку, ты будешь смотреть, а я буду дремать?

– И ты будешь дремать, и я буду дремать, только я еще буду на тебя смотреть.

– Ты тоже красивый, – сказал Ежик. – Я тоже буду на тебя смотреть.

– Нет. Лучше ты на меня не смотри, – сказал Огонь, – а я буду на тебя смотреть, и горячо дышать, и гладить тебя теплым дыханием.

– Хорошо, – сказал Ежик. – Только ты не вылазь из печки.

Огонь промолчал.

Тогда Ежик открыл печную дверцу, прислонился к дровишкам и задремал. Огонь тоже дремал, и только в темноте печи поблескивали его злые глаза.

– Прости меня, пожалуйста, Ежик, – обратился он к Ежику чуть погодя, – но мне будет совсем хорошо на тебя смотреть, если я буду сыт. Подбрось дровишек.

Ежику было так сладко у печки, что он подкинул три полешка и снова задремал.

– У-у-у! – загудел Огонь. – У-у-у! Какой красивый Ежик! Как он дремлет! – и с этими словами спрыгнул на пол и побежал по дому.

Пополз дым. Ежик закашлялся, открыл глаза и увидел пляшущий по всей комнате Огонь.

– Горю! – закричал Ежик и кинулся к двери.

Но Огонь уже плясал на пороге и не пускал его.

Ежик схватил валенок и стал бить Огонь валенком.

– Полезай в печку, старый обманщик! – кричал Ежик.

Но Огонь только хохотал в ответ.

– Ах так! – крикнул Ежик, разбил окно, выкатился на

улицу и сорвал со своего домика крышу.

Дождь лил вовсю. Капли затопали по полу и стали оттаптывать Огню руки, ноги, бороду, нос.

"Шлепи-шлеп! Шлепи-шлеп! – приговаривали капли, а Ежик бил Огонь мокрым валенком и ничего не приговаривал – так он был сердит.

Когда Огонь, зло шипя, забрался обратно в печку. Ежик накрыл свой домик крышей, заложил дровишками разбитое окно, сел к печке и пригорюнился: в доме было холодно, мокро и пахло гарью.

– Какой рыжий, лживый старикашка! – сказал Ежик.

Огонь ничего не ответил. Да и что было говорить Огню, если все кроме доверчивого Ежика, знают, какой он обманщик.

ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

– Давай никуда не улетать, Ежик. Давай навсегда сидеть на нашем крыльце, а зимой – в доме, а весной – снова на крыльце, и летом – тоже.

– А у нашего крыльца будут потихоньку отрастать крылья. И однажды мы с тобой вместе проснемся высоко над землей. «Это кто там бежит внизу такой темненький?» – спросишь ты.

– А рядом – еще один?

– Да это мы с тобой, – скажу я. «Это наши тени», – добавишь ты.

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК

– Ав! ав! ав! – лаяла собака.

Падал снег – и дом, и бочка посреди двора, и собачья конура, и сама собака были белые и пушистые.

Пахло снегом и новогодней елкой, внесенной с мороза, и запах этот горчил мандаринной корочкой.

– Ав!ав! ав! – опять залаяла собака.

«Она, наверное, унюхала меня», – подумал Ежик и стал отползать от домика лесника.

Ему было грустно одному идти через лес, и он стал

думать, как в полночь он встретится с Осликом и Медвежонком на Большой поляне под голубой елкой.

«Мы развесим сто рыжих грибов-лисичек, – думал Ежик, – и нам станет светло и весело. Может быть, прибегут зайцы, и тогда мы станем водить хоровод. А если придет Волк, я его уколю иголкой, Медвежонок стукнет лапой, а Ослик копытцем».

А снег все падал и падал. И лес был такой пушистый, такой лохматый и меховой, что Ежику захотелось вдруг сделать что-то совсем необыкновенное: ну, скажем, взобраться на небо и принести звезду.

И он стал себе представлять, как он со звездой опускается на Большую поляну и дарит Ослику и Медвежонку звезду.

«Возьмите, пожалуйста», – говорит он. А Медвежонок отмахивается лапами и говорит: «Ну, что ты? У тебя ведь одна...» И Ослик рядом кивает головой – мол, что ты, у тебя ведь всего одна! – а он все-таки заставляет их послушаться, взять звезду, а сам снова убегает на небо.

«Я вам пришлю еще!» – кричит он. И когда уже поднимается совсем высоко, слышит еле доносящееся: «Что ты, Ежик, нам хватит одной?..»

А он все-таки достает вторую и вновь опускается на поляну – и всем весело, все смеются и пляшут.

«И нам! И нам!» – кричат зайцы.

Он достает и им. А для себя ему не надо. Он и так

счастлив, что весело всем... «Вот, – думал Ежик, взбираясь на огромный сугроб, – если б рос где-нибудь цветок „ВСЕМ-ВСЕМ ХОРОШО И ВСЕМ-ВСЕМ ВЕ–СЕ–ЛО“, я бы раскопал снег, достал его и поставил посреди Большой поляны. И зайцам, и Медвежонку, и Ослику – всем-всем, кто бы его увидел, сразу стало хорошо и весело!»

И тут, будто услышав его, старая пушистая Елка сняла белую шапку и сказала:

– Я знаю, где растет такой цветок, Ежик. Через двести сосен от меня, за Кривым оврагом, у обледенелого пня, бьет Незамерзающий Ключ. Там, на самом дне, стоит твой цветок!

– Ты мне не приснилась, Елка? – спросил Ежик.

– Нет, – сказала Елка и снова надела шапку.

И Ежик побежал, считая сосны, к Кривому оврагу, перебрался через него, нашел обледенелый пенек и увидел Незамерзающий Ключ.

Он наклонился над ним и вскрикнул от удивления.

Совсем близко, покачивая прозрачными лепестками, стоял вол–шебный цветок. Он был похож на фиалку или подснежник, а может быть, просто на большую снежинку, не тающую в воде.

Ежик протянул лапу, но не достал. Он хотел вытащить цветок палкой, но побоялся поранить.

«Я прыгну в воду, – решил Ежик, – глубоко нырну и осторожно возьму его лапами».

Он прыгнул и, когда открыл под водой глаза, не увидел цветка. «Где же он?» – подумал Ежик. И вынырнул на берег.

На дне по-прежнему покачивался чудесный цветок.

– Как же так!.. – заплакал Ежик. И снова прыгнул в воду, но опять ничего не увидел.

Семь раз нырял Ежик в Незамерзающий Ключ...

Продрогший до последней иголки, бежал он через лес домой.

«Как же это? – всхлипывал он. – Как же так?» И сам не знал, что на берегу превращается в белую, как цветок, снежинку.

И вдруг Ежик услышал музыку, увидел Большую поляну с серебряной елкой посередине, Медвежонка, Ослика и зайцев, водящих хоровод.

«Тара-тара-там-та-та!..» – играла музыка. Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и сто рыжих лампочек освещали это торжество.

– Ой! – воскликнул Ослик. – Какой удивительный снежный цветок?

Все закружились вокруг Ежика и, улыбаясь, танцуя, стали любоваться им.

– Ах, как всем-всем хорошо и весело! – сказал Медвежонок. – Какой чудесный цветок! Жаль только, что нет Ежика...

«Я здесь!» – хотел крикнуть Ежик.

Но он так продрог, что не мог вымолвить ни слова.

ПОРОСЕНОК В КОЛЮЧЕЙ ШУБКЕ

Была зима. Стояли такие морозы, что Ежик несколько дней не выходил из своего домика, топил печь и смотрел в окно. Мороз разукрасил окошко разными узорами, и Ежику время от времени приходилось залезать на подоконник и дышать и тереть лапой замерзшее стекло.

"Вот – говорил он, снова увидев елку, пенек и поляну перед домом. Над поляной кружились и то улетали куда-то вверх, то опускались к самой земле снежинки.

Ежик прижался носом к окну, а одна Снежинка села ему на нос с той стороны стекла, привстал на тоненьких ножках и сказала:

– Это ты, Ежик? Почему ты не выходишь с нами играть?

– На улице холодно, – сказал Ежик.

– Нет, – засмеялась Снежинка. – Нам нисколько не холодно! Посмотри, как я летаю!

И она слетела с Ежикиного носа и закружилась над поляной. «Видишь? Видишь?» – кричала она, пролетая мимо окошка. А Ежик так прижался к стеклу, что нос у него расплющился и стал похож на пороссячий пяточок; и Снежинке казалось, что это уже не Ежик, а надевший колючую шубу поросенок смотрит на нее из ок-

на.

– Поросенок! – крикнула она. – Выходи с нами гулять!

«Кого это она зовет?» – подумал Ежик и вдавился в стекло еще сильнее, чтобы посмотреть, нет ли на завалинке поросенка.

А Снежинка теперь уже твердо знала, что за окошком сидит поросенок в колючей шубке.

– Поросенок! – еще громче крикнула она. – У тебя же есть шубка. Выходи с нами играть!

"Так, – подумал Ежик. – Там под окошком, наверное, сидит поросенок в шубке и не хочет играть. Надо пригласить его в дом и напоить чаем " .

И он слез с подоконника, надел валенки и выбежал на крыльцо.

– Поросенок? – крикнул он. – Идите пить чай!

– Ежик, – сказала Снежинка, – поросенок только что убежал. Поиграй ты с нами!

– Не могу. Холодно! – сказал Ежик и ушел в дом.

Закрыв дверь, он оставил у порога валенки, подобрал в печку дровишек, снова влез на подоконник и прижался носом к стеклу.

– Поросенок – крикнула Снежинка. – Ты вернулся? Выходи! Будем играть вместе!

«Он вернулся», – подумал Ежик. Снова надел валенки и выбежал на крыльцо. – Поросенок! – закричал он. – Поросено-о-ок!.. Выл ветер и весело кружились

снежинки.

Так до самого вечера Ежик то бегал на крыльцо и звал поросенка, то, возвратившись в дом, залезал на подоконник и прижимался носом к стеклу.

Снежинке было все равно, с кем играть, и она звала то поросенка в колючей шубке, когда Ежик сидел на подоконнике, то самого Ежика, когда он выбегал на крыльцо.

А Ежик, и засыпая, боялся, как бы не замерз в такую морозную ночь поросенок в колючей шубке.

ДОЛГИМ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Ах какие сугробы намела вьюга? Все пеньки, все кочки завалил снег. Сосны глухо скрипели, раскачиваемые ветром, и только труженик– дятел долбил и долбил где-то вверху, как будто хотел долбить низкие тучи и увидеть солнце...

Ежик сидел у себя дома у печки и уже не чаял, когда наступит весна.

"Скорей бы, – думал Ежик, – зажурчали ручьи, запели птицы и первые муравьи побежали по дорожкам!.. Тогда бы я вышел на поляну, крикнул на весь лес, и Белка прибежала бы ко мне, а я бы ей сказал: «Здравствуй, Белка? Вот и весна пришла? Как тебе зимовалось?» А Белка бы распушила свой хвост, помахала им в разные стороны и ответила: "Здравствуй, Ежик! Здоров ли ты? И мы бы побежали по всему лесу и осмотрели каждый пенек, каждую елку, а потом стали бы протаптывать прошлогодние тропинки... «Ты протаптывай по земле, – сказала бы Белка, – а я – поверху!» И запрыгала бы по деревьям...

Потом бы мы увидели Медвежонка.

«А, это ты!» – крикнул бы Медвежонок и стал бы помогать мне протаптывать тропинки...

А потом мы позвали бы Ослика. Потому что без него

нельзя проложить большую дорожку.

Ослик бежал бы первым, за ним – Медвежонок а уж за ними – я... "Цок-цок-цок – стучал бы Ослик копытцами, "топ-топ-топ – топотал Медвежонок, а я бы за ними не поспевал и просто катился. «Ты портишь дорожку! – крикнул бы Ослик. – Ты всю ее расковырял своими иголками!..» – «Не беда! – улыбнулся бы Медвежонок. – Я побегу за Ежиком и буду утаптывать землю». – «Нет, нет, – сказал Ослик, – пусть лучше Ежик разрыхляет огороды!» И я бы стал кататься по земле и разрыхлять огороды, а Ослик с Медвежонок – таскать воду... «Теперь разрыхлите мой!» – попросил бы Бурундучок. «И мой!» – сказала бы Лесная Мышь... И я бы катался по всему лесу и всем приносил пользу.

А теперь вот приходится сидеть у печки, – грустно вздохнул Ежик, – и неизвестно еще, когда наступит весна..."

КАК ОСЛИК, ЕЖИК И МЕДВЕЖОНОК ВСТРЕЧАЛИ НОВЫЙ ГОД

Всю предновогоднюю неделю в полях бушевала вьюга. В лесу снегу намело столько что ни Ежик, ни Ослик, ни Медвежонок всю неделю не могли выйти из дому.

Перед Новым годом вьюга утихла, и друзья собрались в доме у Ежика.

– Вот что, – сказал Медвежонок, – у нас нет елки.

– Нет, – согласился Ослик.

– Не вижу, чтобы она у нас была, – сказал Ежик. Он любил выражаться замысловато в праздничные дни.

– Надо пойти поискать, – сказал Медвежонок.

– Где же мы ее сейчас найдем? – удивился Ослик. – В лесу – то – темно...

– И сугробы какие!.. – вздохнул Ежик.

– И все-таки надо идти за елкой, – сказал Медвежонок.

И все трое вышли из дома.

Вьюга утихла, но тучи еще не разогнало, и ни одной звездочки не было видно на небе.

– И луны нет! – сказал Ослик. – Какая тут елка?!

– А на ощупь? – сказал Медвежонок. И пополз по сугробам.

Но и на ощупь он ничего не нашел. Попадались только большие елки, но и они все равно бы не влезли в Ежикин домик, а маленькие все с головой засыпало снегом.

Вернувшись к Ежику, Ослик с Медвежонок загрузили.

– Ну, какой это Новый год!.. – вздохнул Медвежонок.

«Это если бы какой-нибудь осенний праздник, так елка, может быть, и не обязательна, – думал Ослик. – А зимой без елки – нельзя».

Ежик тем временем вскипятил самовар и разливал чай по блюдечкам. Медвежонок он поставил баночку с медом, а Ослику – тарелку с лопушками.

О елке Ежик не думал, но его печалило, что вот уже полмесяца, как сломались его часы-ходики, а часовщик Дятел обещался, да не прилетел.

– Как мы узнаем, когда будет двенадцать часов? – спросил он у Медвежонок.

– Мы почувствуем! – сказал Ослик.

– Это как же мы почувствуем? – удивился Медвежонок. – Очень просто, – сказал Ослик. – В двенадцать часов нам будет уже ровно три часа хотеться спать!

– Правильно! – обрадовался Ежик.

И, немного подумав, добавил: – А о елке вы не беспокойтесь. В уголке мы поставим табуретку, я на нее встану, а вы на меня повесите игрушки.

– Чем не елка? – закричал Медвежонок.

Так они и сделали.

В уголок поставили табуретку, на табуретку встал Ежик и рас- пушил иголки.

– Игрушки – под кроватью, – сказал он.

Ослик с Медвежонком достали игрушки и повесили на верхние лапы Ежику по большому засушенному одуванчику, а на каждую иголку – по маленькой еловой шишечке.

– Не забудьте лампочки! – сказал Ежик.

И на грудь ему повесили три гриба-лисички, и они весело засветились – такие они были рыжие.

– Ты не устала, Елка? – спросил Медвежонок, усаживаясь и отхлебывая из блюдечка чай.

Ежик стоял на табуретке, как настоящая елка, и улыбался.

– Нет, – сказал Ежик. – А сколько сейчас времени?

Ослик дремал.

– Без пяти двенадцать! – сказал Медвежонок. – Как Ослик заснет, будет ровно Новый год.

– Тогда налей мне и себе клюквенного сока, – сказал Ежик-Елка.

– Ты хочешь клюквенного сока? – спросил Медвежонок у Ослика.

Ослик почти совсем спал.

– Теперь должны бить часы, – пробормотал он.

Ежик аккуратно, чтобы не испортить засушенный одуванчик, взял в правую лапу чашечку с клюквенным

соком а нижней, притоптывая, стал отбивать часы.

– Вам! бам! бам! – приговаривал он.

– Уже три, – сказал Медвежонок. – Теперь давай уда-
рю я!

Он трижды стукнул лапой об пол и тоже сказал:

– Вам! бам! бам!.. Теперь твоя очередь, Ослик!

Ослик три раза стукнул об пол копытцем, но ничего
не сказал.

– Теперь снова я! – крикнул Ежик. И все, затаив ды-
хание, выслушали последние: «Бам! бам! бам!»

– Ура! – крикнул Медвежонок, и Ослик уснул совсем.

Скоро заснул и Медвежонок.

Только Ежик стоял в уголке на табуретке и не знал,
что ему делать. И он стал петь песни и пел их до самого
утра, чтобы не уснуть и не сломать игрушки.

КАК ОСЛИК, ЕЖИК И МЕДВЕЖОНОК ПИСАЛИ ДРУГ ДРУГУ ПИСЬМА

На второй день после Нового года Ежик получил письмо. Принесла его Белка, подсунула под дверь и убежала.

"Дорогой Ежик! – царапал Медвежонок на кусочке бересты. – У меня за окошком падает снег. Снежинки садятся на завалинку и разговаривают. Одна снежинка мне сказала, что видела тебя, но ты ей показался скучным. Будто сидел ты на пеньке у ручья грустный–грустный и о чем-то думал. Я тоже много думаю последнее время. А думаю я о том, что скоро весна, а у нас с тобой нет лодки. Растает снег, кругом будет одна вода, и мы долгое время не увидимся. Не о том ли и ты думал, дорогой Ежик, сидя на пеньке у ручья?"

Любящий тебя

М е д в е ж о н о к .

Я так и подумал, что об этом же".

Ежик прочитал письмо и задумался.

"Действительно, – думал Ежик, – скоро весна, а у нас нет лодки " .

Он достал из шкафа кусочек бересты, отыскал под кроватью вылинявшую иголку, придвинул поближе служивший ему лампой гриб-лисичку и принялся за пись-

мо.

– "Дорогой Ослик! – нацарапал Ежик и кончиком языка потрогал кончик носа. – Я сижу дома, за окном падает снег, а скоро будет весна. . . "

Тут Ежик немного подумал и стал царапать дальше: "Весной много воды, а у нас нет лодки. Не об этом ли ты сейчас думаешь, Ослик?"

Твой друг

Е ж и к" .

Письмо он отдал Снегирю, и Снегирь, быстро долетев до домика Ослика, бросил его в форточку.

Когда письмо шлепнулось на стол. Ослик обедал.

«Хм! – подумал Ослик, разглядывая кусочек бересты. – А ведь это – письмо!»

И принялся читать. Дочтя до половины, он глянул в окно и увидел, что у него за окошком тоже падает снег.

Потом он прочитал вторую половину и решил, что Ежик прав.

«А ведь надо написать письмо», – подумал он.

Достал кусочек бересты и угольком нарисовал на нем лодку, а внизу написал:

"Дорогой Медвежонок Я сижу за столом, а за окном у меня падает снег. Весной этот снег растает, и будет очень много воды. Если мы сей– час не построим лодку, весной мы не увидимся до самого лета. Не об этом ли ты сейчас думаешь, Медвежонок?"

Любящий тебя

Ослик".

Он отдал письмо Свиристелю и прилег после обеда отдохнуть.

Получив письмо. Медвежонок рассердился.

«Как – крикнул он. – Я только об этом и думаю. У меня даже голова стала чуть-чуть больше!»

И на обороте Ослиной бересты он тщательно нацарапал:

«Дорогой Ослик Я самый первый подумал, что нам нужна лодка».

«Нет, – пришел ответ. – Это Ежик подумал самый первый» А Ежику Ослик написал:

«Ты самый первый подумал, что нам нужна лодка, а Медвежонок говорит, что это он?»

«Я самый первый подумал, – решил Ежик, получив письмо Ослика. – Ведь если бы я подумал не самый первый. Ослик бы мне об этом не написал!» И он принялся выцарапывать письмо Медвежонку:

"Дорогой Медвежонок? – тихо нацарапал он и потрогал кончиком языка кончик носа. – Я сижу дома а за окошком у меня падает снег... ""

Тут он немного передохнул и принялся выцарапывать дальше:

"Я получил твое письмо, но я уже да-авно думаю, что нам нужна лодка.

И не об этом ли ты сейчас думаешь, Медвежонок?
Любящий тебя

Е ж и к .

Получив послание Ежика, Медвежонок так огорчился, что заболел и прохворал всю зиму.

"Ведь это же я первый подумал? – шептал он, когда ему становилось лучше. И щупал голову.

А весной снег растаял и в лесу было столько воды, что Медвежонок, Ослик и Ежик не встречались до самого лета.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

С утра падал снег. Медвежонок сидел на опушке леса на пеньке, задрал голову, и считал, и слизывал упавшие на нос снежинки.

Снежинки падали сладкие, пушистые и прежде, чем опуститься совсем, привставали на цыпочки. Ах как это было весело!

«Седьмая», – прошептал Медвежонок и, полюбовавшись всласть, облизал нос.

Но снежинки были заколдованные: они не таяли и продолжали оставаться такими же пушистыми у Медвежонка в животе.

«Ах, здравствуйте, голубушка! – сказали шесть снежинок своей подруге, когда она очутилась рядом с ними. – В лесу так же безветренно? Медвежонок по-прежнему сидит на пеньке? Ах какой смешной Медвежонок!»

Медвежонок слышал, что кто-то в животе у него разговаривает, но не обращал внимания.

А снег все падал и падал. Снежинки все чаще опускались Медвежонку на нос, приседали и, улыбаясь, говорили: «Здравствуй, Медвежонок!»

«Очень приятно, – говорил Медвежонок. – Вы – шестьдесят восьмая». И облизывался.

К вечеру он съел триста снежинок, и ему стало так холодно, что он едва добрался до берлоги и сразу уснул. И ему приснилось, что он – пушистая, мягкая снежинка... И что он опустился на нос какому-то Медвежонку и сказал: «Здравствуй, Медвежонок?» – а в ответ услышал: «Очень приятно, вы – триста двадцатая...» «Лам-па-ра-пам?» – заиграла музыка. И Медвежонок закружился в сладком, волшебном танце, и триста снежинок закружились вместе с ним. Они мелькали впереди, сзади, сбоку и, когда он уставал, подхватывали его, и он кружился, кружился, кружился...

Всю зиму Медвежонок болел. Нос у него был сухой и горячий, а в животе плясали снежинки. И только весной, когда по всему лесу зазвенела капель и прилетели птицы, он открыл глаза и увидел на табуретке Ежика. Ежик улыбался и шевелил иголками.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Медвежонок.

– Жду, когда ты выздоровеешь, – ответил Ежик.

– Долго?

– Всю зиму. Я, как узнал, что ты объелся снегом – сразу перетацил все свои припасы к тебе...

– И всю зиму ты сидел возле меня на табуретке?

– Да, я поил тебя еловым отваром и прикладывал к животу сушеную травку...

– Не помню, – сказал Медвежонок.

– Еще бы! – вздохнул Ежик. – Ты всю зиму говорил, что ты – снежинка. Я так боялся, что ты растаешь к

БЕСНЕ...

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА

– Если бы ко мне пришла Волчица и сказала: Ежику хочешь, я тебя сделаю волчонком?" – я бы ей сказал: Нет!" А ты?

– Я бы ей сказал: «Только попробуй!»

– А она бы сказала: «Соглашайся, Медвежонок, мы с тобой вместе будем есть лошадей!»

– А я бы ей сказал: «А кто будет Медвежонок?»

– А она бы сказала: «А Медвежонок не будет. Будет коричневый волчонок Топотун».

– А кто будет Медвежонок?!

– Я же тебе говорю, – сказал Ежик, – Медвежонок не будет: будет коричневый волчонок Топотун.

– Отойди! – рявкнул Медвежонок.

– Или я не знаю, что я с тобой сделаю.

– Так это же не я – это же Волчица, – сказал Ежик.

– Все равно! – сказал Медвежонок.

И заплакал.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВЕСНА

Это была самая необыкновенная весна из всех, которые помнил Ежик.

Распустились деревья, зазеленела травка, и тысячи вымытых дождями птиц запели в лесу.

Все цвело.

Сначала цвели голубые подснежники. И пока они цвели. Ежику казалось, будто вокруг его дома – море, и что стоит ему сойти с крыльца – и он сразу утонет. И поэтому он целую неделю сидел на крыльце, пил чай и пел песенки.

Потом зацвели одуванчики. Они раскачивались на своих тоненьких ножках и были такие желтые, что, проснувшись однажды утром и выбежав на крыльцо. Ежик подумал, что он очутился в желтой-прежелтой Африке.

«Не может быть! – подумал тогда Ежик. – Ведь если бы это была Африка, я бы обязательно увидел Льва!»

И тут же юркнул в дом и захлопнул дверь, потому что прямо против крыльца сидел настоящий Лев. У него была зеленая грива и тоненький зеленый хвост.

– Что же это? – бормотал Ежик, разглядывая Льва через замочную скважину.

А потом догадался, что это старый пенёк выпустил зеленые побеги и расцвел за одну ночь.

– Все цветет! – выходя на крыльцо, запел Ежик.

И взял свою старую табуретку и поставил ее в чан с водой.

А когда на следующее утро проснулся, увидел, что его старая табуретка зацвела клейкими березовыми листочками

ВЕСЕЛАЯ СКАЗКА

Однажды Ослик возвращался домой ночью. Светила луна, и равнина была вся в тумане, а звезды опустились так низко, что при каждом шаге вздрагивали и звенели у него на ушах, как бубенчики.

Было так хорошо, что Ослик запел грустную песню.

– Передай кольцо, – тянул Ослик, – а-а-бру-чаль-ное...

А луна спустилась совсем низко, и звезды расстелились прямо по траве и теперь звенели уже под копытцами.

"Ай, как хорошо – думал Ослик. – Вот я иду... Вот луна светит... Неужели в такую ночь не спит Волк?"

Волк, конечно, не спал. Он сидел на холме за осликовым домом и думал: «Задерживается где-то мой серый брат Ослик...»

Когда луна, как клоун, выскочила на самую верхушку неба, Ослик запел:

*И когда я умру,
И когда я погибну,
Мои уши, как папоротники,
Прорастут из земли.*

Он подходил к дому и теперь уже не сомневался, что Волк не спит, что он где-то поблизости и что между ни-

ми сегодня произойдет разговор .

– Ты устал? – спросил Волк.

– Да, немного.

– Ну, отдохни. Усталое ослиное мясо не так вкусно.

Ослик опустил голову, и звезды, как бубенчики, зазвенели на кончиках его ушей.

«Бейте в луну, как в бубен, – думал про себя Ослик, – крушите волков копытом, и тогда ваши уши, как папоротники, останутся на земле .»

– Ты уже отдохнул? – спросил Волк.

– У меня что-то затекла нога – сказал Ослик.

– Надо растереть – сказал Волк.

– Затекшее ослиное мясо не так вкусно.

Он подошел к Ослику и стал растирать лапами его заднюю ногу.

– Только не вздумай брыкаться – сказал Волк. – Не в этот раз, так в следующий но я тебя все равно съем.

«Бейте в луну, как в бубен, – вспомнил Ослик. – Крушите волков копытом!..» Но не ударил, нет, а просто рассмеялся. И все звезды на небе тихо рассмеялись вместе с ним.

– Ты чего смеешься? – спросил Волк.

– Мне щекотно, – сказал Ослик.

– Ну, потерпи немножко, – сказал Волк. – Как твоя нога?

– Как деревянная!

– Сколько тебе лет?! – спросил Волк, продолжая ра-

ботать лапами.

– 365 250 дней.

Волк задумался.

– Это много или мало? – наконец спросил он.

– Это около миллиона, – сказал Ослик.

– И все ослы такие старые?

– В нашем перелеске – да!

Волк обошел Ослика и посмотрел ему в глаза.

– А в других перелесках?

– В других, думаю, помоложе, – сказал Ослик.

– На сколько?

– На 18 262 с половиной дня!

– Хм! – сказал Волк. И ушел по белой равнине, заметая, как дворник, звезды хвостом.

И когда я умру-

мурлыкал, ложась спать, Ослик, -

И когда я погибну,

Мои уши, как папоротники,

Прорастут из земли!

ЧЕРНЫЙ ОМУТ

Жил-был Заяц в лесу и всего боялся. Боялся Волка, боялся Лису, боялся Филина. И даже куста осеннего, когда с него осыпались листья, – боялся.

Пришел Заяц к Черному Омуту.

– Черный Омут, – говорит, – я в тебя брошусь и утону: надоело мне всех бояться!

– Не делай этого, Заяц! Утонуть всегда успеешь. А ты лучше иди и не бойся!

– Как это? – удивился Заяц.

– А так. Чего тебе бояться, если ты уже ко мне приходил, утонуть решил? Иди – и не бойся!

Пошел Заяц по дороге, встретил Волка.

– Вот кого я сейчас съем! – обрадовался Волк.

А Заяц идет себе, посвистывает.

– Ты почему меня не боишься? Почему не бежишь? – крикнул Волк.

– А что мне тебя бояться? – говорит Заяц. – Я у Черного Омута был. Чего мне тебя, серого, бояться?

Удивился Волк, поджал хвост, задумался. Встретил Заяц Лису.

– А-а-а!.. – разулыбалась Лиса. – Парная зайчатинка топает! Иди – ка сюда, ушастенький, я тебя съем.

Но Заяц прошел, даже головы не повернул.

– Я у Черного Омута, – говорит, – был, серого Волка не испугался, – уж не тебя ли мне, рыжая, бояться?..

Свечерело.

Сидит Заяц на деньке посреди поляны; пришел к нему пешком важный Филин в меховых сапожках.

– Сидишь? – спросил Филин.

– Сижу! – сказал Заяц.

– Не боишься сидеть?

– Боялся бы – не сидел.

– А что такой важный стал? Или охрабрел к ночи-то?

– Я у Черного Омута был серого Волка не побоялся, мимо Лисы прошел – не заметил, а про тебя, старая птица, и думать не хочу.

– Ты уходи из нашего леса, Заяц, – подумав, сказал Филин. – Глядя на тебя, все зайцы такими станут.

– Не станут, – сказал Заяц, – все-то...

Пришла осень. Листья сыплются...

Сидит Заяц под кустом, дрожит, сам думает:

"Волка серого не боюсь. Лисы красной – ни капельки. Филина мохноногого – и подавно, а вот когда листья шуршат и осыпаются – страшно мне..."

Пришел к Черном Омуту, спросил:

– Почему, когда листья сыплются, страшно мне?

– Это не листья сыплются – это время шуршит, – сказал Черный Омут, – а мы – слушаем. Всем страшно.

Тут снег выпал. Заяц по снегу бегаёт, никого не боится.

КАК ОСЛИК С МЕДВЕЖЕНКОМ ПОБЕДИЛИ ВОЛКА

Когда Ослик с Медвежонок пришли на войну, они стали думать, кто из них будет главным?

– Ты, – сказал Ослик.

– Нет, – сказал Медвежонок. – Ты!

– Почему я? – удивился Ослик. – У тебя клыки, ты будешь грызть врага. . .

– И у тебя уши: ты услышишь, когда он придет.

– Кто?

– Волк.

– Но ведь тогда надо будет бежать, – сказал Ослик.

– Что ты! Как раз тогда начнется война, и мы пойдем в атаку.

– Куда?

– В атаку. «Ура!» «Вперед!» В атаку.

– А-а-а... – сказал Ослик и присел на пенек. У него очень болели уши, связанные под подбородком.

– А почему вперед? – подумав, спросил он. – Разве нельзя сбоку?

– Сбоку – лучше, но вперед – вернее!

– И когда ты на него налетишь, ты его укусишь, а я его ударю ногой.

– Правильно, – сказал Медвежонок, удобнее устра-

иваясь на травке.

– А он укусит тебя– продолжал Ослик, – а я его снова ударю ногой. . .

– Нет. Укусит он тебя. А я его убью.

– Но если он меня укусит, он тоже меня убьет.

– Пустяки! Я его убью раньше, чем ты умрешь.

– Но я не хочу умирать! – сказал Ослик.

– Волк тоже не хочет, – сказал Медвежонок и сел.

– Ты думаешь? – Ну конечно! Давай спать.

Они уснули на лесной опушке, а в это время Волк подумал так: «Если они налетят на меня спереди – я укушу Медвежонка, а Ослика лягну ногой; если же сбоку, то наоборот: Ослика я укушу, а Медвежонка лягну. А лучше бы укусить их обоих сразу?»

Он уснул под елкой в десяти шагах от лесной опушки...

Когда взошла луна. Ослик проснулся и разбудил Медвежонка.

– Волк спит под елкой, – сказал он.

– Откуда ты знаешь?

– Я слышу.

– А о чем он думает?

– Ни о чем, он спит.

– А-а-а... – сказал Медвежонок. – Тогда нападем на него сзади.

В это время Волк проснулся и подумал: «Вот я сплю, а на меня могут напасть сзади».

И повернулся к елке хвостом.

– Спит? – спросил Медвежонок.

Ослик кивнул, и они стали крадучись подходить к Волку.

«Медвежонок укусит его, а я стукну по голове, – твердил Ослик. – Медвежонок укусит, а я стукну».

– Я укушу, – шепнул Медвежонок, – а ты стукнешь!

– Угу!

И они бок о бок подошли к Волку.

– Давай! – шепнул Ослик.

– Ты первый, ты должен его оглушить.

– Зачем? Он и так спит.

– Но он проснется, когда я его укушу.

– Вот тогда я его и стукну.

– Нет, – сказал Медвежонок. – Ты главный – ты должен первый.

Ослик осторожно стукнул Волка по голове. Волк заворочался и повернулся на другой бок.

– Ну вот и убили, – сказал Ослик.

– Действительно...

– А зачем?..

– Если б не мы его, так он бы нас!

– Ты думаешь?

– Ну конечно – сказал Медвежонок, – он бы непременно нас съел.

– А если б не съел?

– А что бы он с тобой делал?

– Не знаю– сказал Ослик.

Они возвращались с войны в предрассветных сумерках когда большая лесная роса лизала им ноги.

«А Волк лежит под елкой– думал Ослик, – совсем убитый».

– Зачем? – сказал он. – Лучше бы сидеть дома.

– Ты же на войне, – сказал Медвежонок...

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСЕНКА

Лесная полянам как парным молоком, была до краев залита лунным светом. Возле луны, как гнилушки возле старого пня, шевелились звезды.

Заяц сидел посреди поляны и был совсем голубой.

Заяц играл на свирели старинную французскую песенку.

«Ля-ля! Ля-ля!» – мурлыкала свирель. И старый облезлый Филин улыбался.

Филину было сто лет, а может, больше, но теперь он вспоминал разные страны и улыбался.

«Как это было давно, – думал Филин. – Так же светила луна, так же сидел посреди поляны Заяц, так же осыпались звезды и играла свирель. Потом поднялся туман. Заяц исчез, а свирель играла...»

«Играй, играй, свирель! – думал Филин. – Я бы съел твоего Зайца, но у меня осыпались перья... И потом – все равно придет другой Заяц, сядет посреди поляны и заиграет на скрипке».

Так думал Филин, живший в молодости во Франции, убивший полторы тысячи зайцев и составивший лучшую в мире коллекцию заячьих свирелей, скрипок и баббанов.

"И кто их тянет за уши? – снова подумал о зайцах Филин. – Кто их вытягивает на открытые лунные поляны, кто их заставляет ночи не спать – репетировать, чтобы потом пять минут играть среди лесной тишины? . . . "

«Ля-ля! Лю-лю!» – пела свирель. И Заяц поглубел до того, что у него стали прозрачными уши. Ему было так хорошо, что он весь хотел стать прозрачным, как лунный свет; чтобы его совсем не было; чтобы была одна луна, играющая на свирели.

«Однако, – думал Филин, – этого Зайца не скоро съедят. Я его почти не вижу. Знать, много он репетировала кольку может так уйти в свирель, что из нее торчат одни его уши. Знать...»

Филин прикрыл глаза, а когда через мгновение открыл их. Зайца уже не было.

Тысячи лунных зайцев скакали по поляне и у каждого из них в прозрачной лапе была свирель, скрипка или барабан из коллекции Филина.

«Ля-ля! Ля-ля!»

« Пи-пи-пи-пи !»

«Бам-бам!» – пели свирели и скрипки и бил барабан.

И каждый прозрачный Заяц на своем прозрачном инструменте играл старому Филину старинную французскую песенку.

КАК ОСЛИК ШИЛ ШУБУ

Когда подошла зима. Ослик решил сшить себе шубу. «Это будет чудесная шуба, – думал он, – теплая и пушистая. Она должна быть легкой, но обязательно с четырьмя карманами: в карманах я буду греть копыта. Воротник должен быть широкий, как шаль: я буду заправлять за него уши. Когда у меня будет шуба, я войду в лес, и никто меня не узнает. „Кто это, – крикнет Ворона, – такой лохматый?“» – «Это Изюбрь!» – скажет Белка. «Это ПТИ-ПТИ-АУРАНГ!» – скажет Филин. «Это мой друг Ослик!» – крикнет Медвежонок, и засмеется, и весь покувыркается в снегу, и тоже станет непохожим; а я его назову УУР-РУ-ОНГОМ, и все не поверят, кроме нас с ним...

Хорошо бы сшить шубу не из меха, а из ничего. Чтобы она была ничья: ни бобровая, ни соболья, ни белчья – просто шуба. И тогда я буду греться в ничьей шубе, и никто не будет ходить голым. А Волк скажет: «У кого ничья шуба – тот ничей». И никто не будет говорить, что я Ослик: я буду – НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ. Тогда ко мне придет Лис и скажет: «Послушай, НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ, а ты кто?» – «Никто» – «А в чьей ты шубе?» – «В ничьей». – «Тогда ты – НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ», – скажет Лис. А я посмеюсь, потому

что я-то буду знать, что я Ослик.

А когда придет весна, я пойду на Север. А когда и на Север придет весна, я пойду на Северный полюс – там-то никогда не бывает весны...

Надо сшить шубу из облаков. А звездочки взять вместо пуговиц. А там, где темно между облаками, будут карманы. И когда я туда буду класть копыта, я буду лететь, а в теплую погоду ходить по земле.

Хорошо бы такую шубу сшить прямо сейчас же, вот прямо сейчас. Влезть на сосну и положить копыта в карманы. И полететь... А потом, может быть, пойти по земле... Вот прямо на эту сосну".

И Ослик полез на старую сосну, и влез на самую верхушку, и сложил копыта в карманы, и полетел...

И сразу стал – НИКТО В НИЧЬЕЙ ШУБЕ.

ПРАВДА МЫ БУДЕМ ВСЕГДА?

"Неужели все так быстро кончается? – подумал Ослик. – Неужели кончится лето умрет Медвежонок и наступит зима? Почему это не может быть вечно: я, лето и Медвежонок?"

Лето умрет раньше всех, лето уже умирает. Лето во что-то верит. поэтому умирает так смело. Лету несколько себя не жаль – оно что-то знает. Оно знает что оно будет снова! Оно умрет совсем ненадолго, а потом снова родится. И снова умрет... Оно привыкло. Хорошо, если бы я привык умирать и рождаться. Как это грустно и как весело!.."

Медвежонок зашуршал опавшей листвой.

– О чем ты думаешь? – спросил он.

– Я?.. Лежи, лежи, – сказал Ослик.

Теперь он стал вспоминать, как они встретились, как под проливным дождем пробежали весь лес, как сели отдохнуть и как Медвежонок тогда сказал:

– Правда, мы будем всегда?

– Правда.

– Правда, мы никогда не расстанемся?

– Конечно.

– Правда, никогда не будет так, чтобы нам надо было расставаться?

– Так не может быть!

А теперь Медвежонок лежал на опавших листьях с перевязанной головой, и кровь выступила на повязке.

«Как же это так? – думал Ослик. – Как же это так, что какой-то дуб разбил Медвежонку голову? Как же это так, что он упал именно тог– да, когда мы проходили под ним?..»

Прилетел Аист.

– Лучше?.. – спросил он.

Ослик покачал головой.

– Как грустно! – вздохнул Аист и погладил Медвежонка крылом.

Ослик снова задумался. Теперь он думал о том как похоронить Медвежонка, чтобы он вернулся, как лето. «Я похороню его на высокой– высокой горе, – решил он, – так, чтобы вокруг было много солнца, а внизу текла речка. Я буду поливать его свежей водой и каждый день разрыхлять землю. И тогда он вырастет. А если я умру, он будет делать то же самое, – и мы не умрем никогда...»

– Послушай, – сказал он Медвежонку, – ты не бойся. Ты весной вырастешь снова.

– Как деревце?

– Да. Я тебя буду каждый день поливать. И разрыхлять землю.

– А ты не забудешь?

– Что ты!

– Не забудь, – попросил Медвежонок.

Он лежал с закрытыми глазами, и если бы чуть-чуть не вздрагивали ноздри, можно было бы подумать, что он совсем умер.

Теперь Ослик не боялся. Он знал: похоронить – это значит посадить, как деревце.

– С тобой и поразговаривать нельзя, – сказал

Ежик.

Медвежонок молчал.

– Что ж ты молчишь?

Медвежонок не ответил.

Он сидел на крылечке и горько плакал.

– Глупый ты: мы же с тобой беседуем, – сказал

Ежик.

– А кто будет Медвежонок? – всхлипывая, спросил Медвежонок.